

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ЖНБ

П. ЛИТВИНОВ.
ПЕРВОЕ
РУЖЬЕ

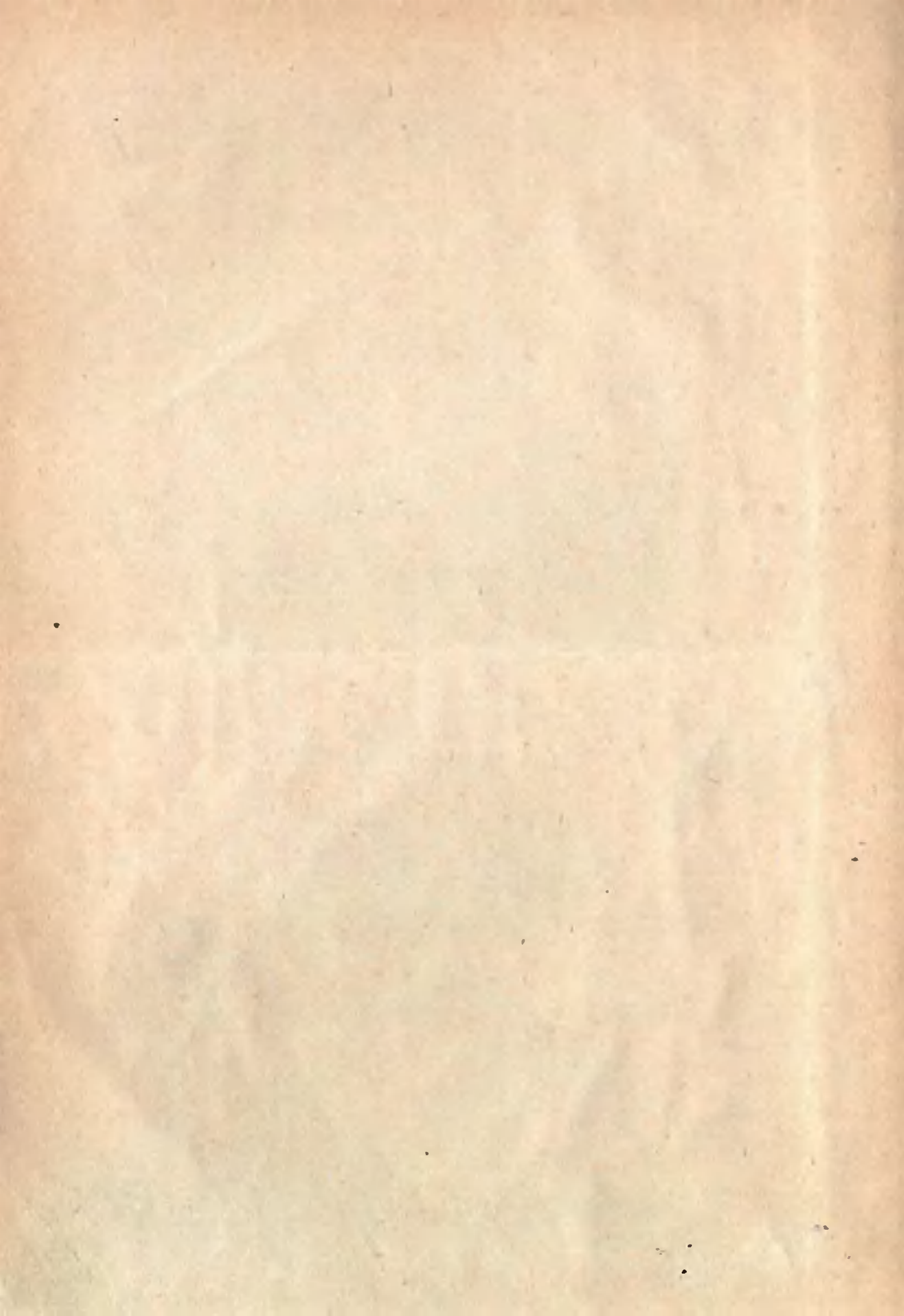

РИСУНКИ С. РАХМАНИНА

1925 « РАДУГА » 1925
ЛЕНИНГРАД-МОСКВА

-641

п.п

Л. 641

НА ДАТЧ. Ч. 3063.
НЕ ВЫДАЕТСЯ

П. ЛИТВИНОВ.

ПЕРВОЕ РУЖЬЕ

**РИСУНКИ
С. РАХМАНИНА.**

БАДУГА

ЛЕНИНГРАД-МОСКВА

1925

Ж (5)

Л. 641

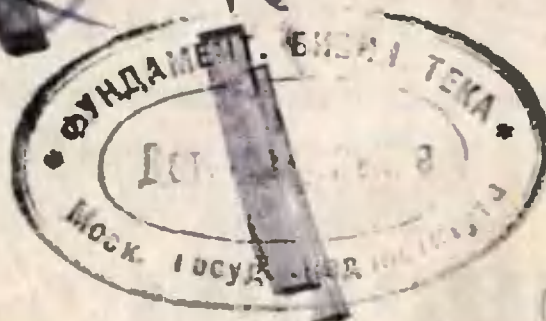
п. л.

К. МАЛОГ

23857

1967-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОШКОЛЬНОЙ ШКОЛЫ
ДЕТГИЗА

Ленинградский Гублит № 10693.

Тираж 8.000 экз.—12 п. л.

Гос. уч.-практ. школа-тип. имени тов. Алексеева, Красная, 1.

Ч А С Т Ь I

МОНТЕКРИСТО и КОЛЬЦО

„Мы живем среди полей и лесов дремучих“.

С. Т. Аксаков.

УТКИ. Я сидел на берегу реки и удил. Рыба клевала плохо. От скуки я смотрел по сторонам.

Любовался спокойным течением широкой реки.

Слушал шелест листьев и журчанье воды в камышах.

Вдруг за поворотом реки бухнул громкий выстрел.

Сейчас-же из-за деревьев вылетели, свистя крыльями,

пять диких уток.

Одна из них затрепыхала крыльями и с плеском шлепнулась в реку недалеко от меня.

Я бросился за ней в воду.

Перевернувшись вверх брюшком, она плавала у песчаной отмели, на мелком месте.

Я схватил ее за красные лапы и вытащил на берег — она была мертвая.

Я хотел отдать ее охотнику, но за лесом никого не нашел.

Охотник наверное ушел в другую сторону, не заметив, что одна из птиц упала в реку.

Забрав удочку и утку, я побежал на хутор.
Мне хотелось поскорее похвастать находкой.

Дядя был занят починкой телеги. Он вытер пот на лбу и мельком взглянул на утку.

— Это кряква, — сказал он. — Снеси ее на кухню! — И опять взялся за работу.

В тот же день за ужином мы ели дикую утку.

Я рассказывал, как все случилось, и как достал ее из воды.

Все слушали меня, шутили и смеялись.

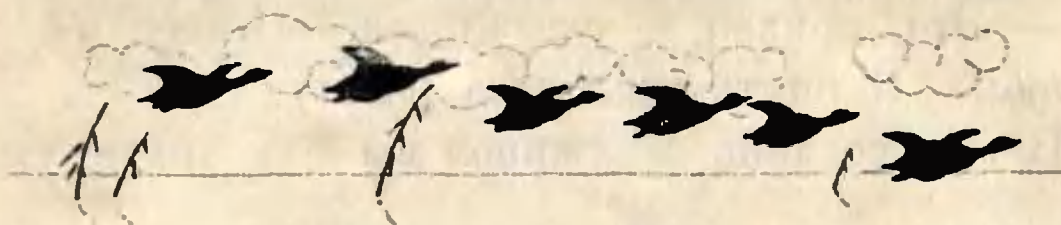
* * *

После случая с уткой, я бросил рыбную ловлю и бродил целыми днями по берегу реки.

Мне хотелось еще раз увидеть диких уток, но не удавалось.

Только один раз, на фоне вечерней зари, я видел небольшую стаю — штук в семь.

Они летели гуськом друг за другом, вытянув длинные шеи, и скоро скрылись за деревьями.

МОНТЕКРИСТО. Вскоре после этого был день моего рождения — мне исполнилось двенадцать лет.

Из города приехал отец и подарил мне маленькое ружье-монтекристо со всем охотничьим снаряжением.

Он достал еще из кармана золотое кольцо и передал мне.

— Подари его сестре, — сказал он — когда она будет именинница, а пока спрячь хорошенько.

Я засунул его поглубже в карман.

Через час отец уехал обратно в город.

Монтекристо мне очень понравилось.

Оно было в восемьдесят пять сантиметров длинной, с массивным стальным стволом.

На стволе было клеймо американского завода „Винчестер“.

Я рассматривал ружье долго и внимательно, поворачивая во все стороны.

Оно весило полтора килограмма и разнималось на четыре части без отвертки.

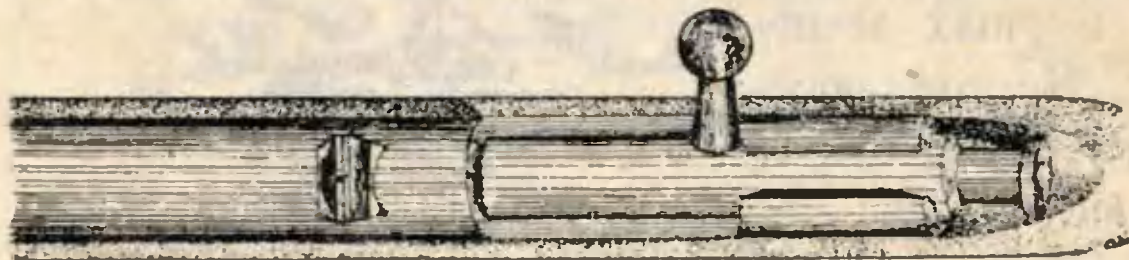
Разобрав ружье, я посмотрел через дуло на свет и увидел внутри блестящую винтовую нарезку.

Смерил сантиметром ширину отверстия в дуле. В нем оказалось шесть миллиметров.

Теперь я знал, что монтекристо было винтовка калибра шесть миллиметров. завода „Винчестер“

Патроны были двух сортов: маленькие с круглой пулей, в коробках по сто штук в каждой, и боевые — с длинной пулей для стрельбы на сто шагов.

Их было только сотня.

Монтекристо заряжалось просто.

Я потянул блестящий шарик, торчавший сбоку, вверх и на себя — щелкнув, выдвинулся затвор.

В стволе открылось отверстие. В него я вложил боевой патрон.

Толкнул затвор обратно и монтекристо зарядилось.

Попробовал взвести курок, но он был тугой и сорвался с пальца.

Грянул выстрел и вдребезги разлетелась лампа на столе.

Оглушенный, я выронил ружье и опрокинулся на стул.

В ушах звенело. Кругом носились клубы едкого дыма.

Вбежала тетка.

— Димка! — вскрикнула она и упала в обморок.

Чтобы позвать кого-нибудь на помощь, я встал и, пошатываясь, пошел из комнаты.

В доме была беготня и переполох.

В дверях я натолкнулся на дядю.

— Что случилось? — спросил он испуганно. — Ты не ранен?

Через час все в доме успокоились.

Тетку привели в чувство.

С радости, что я жив остался, она на меня не сердилась.

Дядя хотел наказать за разбитую лампу и отобрать монтекристо, но по случаю дня моего рождения — простил.

Этот случай научил меня осторожно обращаться с ружьем.

Теперь, заряжая монтекристо, я всегда держу его дулом вверх, чтобы не застрелиться и не ранить случайно окружающих.

Довольный, что мне не попало и все кончилось благополучно, я вернулся к себе и принялся чистить ружье шомполом.

Это был длинный стальной прут с рукояткой на одном конце и прорезью на другом.

В прорезь продевался кусочек тряпки, смазанный маслом.

Этой тряпкой протиралось дуло ружья до тех

пор, пока пороховая копоть не сойдет и ствол не заблестит внутри, как зеркало.

Вычистив монтекристо, я отставил его в сторону и взялся примерять охотничьи принадлежности.

Перекинул через плечо сумку и положил в нее коробки с патронами.

Подпоясаясь ремнем, а к нему пристегнул финский нож.

За спину закинул походный мешок с сухарями и чайником.

Взял монтекристо, надвинул шапку на лоб, чтоб походить на храброго охотника за тиграми, взглянул на себя в зеркало и отшатнулся в изумлении.

Я не узнал самого себя!

Передо мной стоял какой-то бандит, вооруженный с ног до головы.

Довольный своим видом, я закричал:

— Да здравствует лесная жизнь! — И вышел из дому, чтоб попробовать монтекристо — пострелять в цель.

* * *

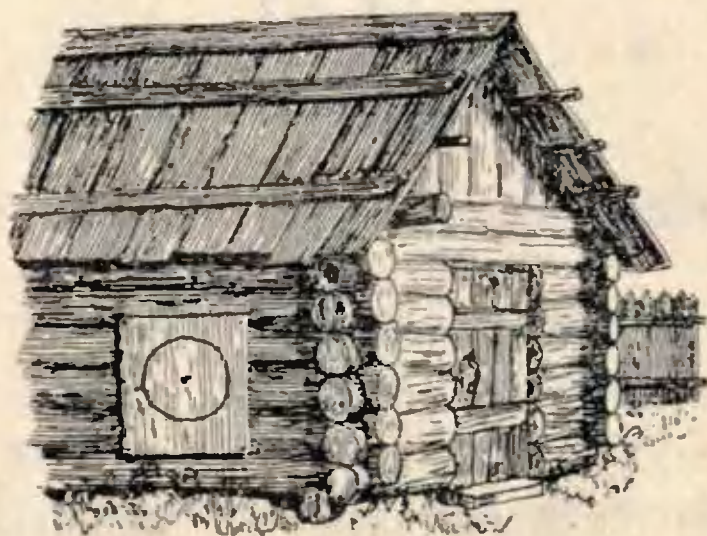
Выйдя во двор, я вспомнил про кольцо.

Его нельзя было оставить дома — сестра случайно могла найти. Из кармана же легко было выронить.

И подумал и нашел место, куда спрятать.

Во дворе были сложены дрова длинной поленицей.

Припрятав кольцо между дров, я пошел к сараю.

Приблиз к его стене большой лист бумаги.

Нарисовал на нем углем круг с точкой в середине и отмерил от цели тридцать шагов.

Зарядил монтекристо, зажал его под мышку, навел конец дула на цель и выстрелил.

Побежал к сараю и, как ни искал, не мог найти и следа пули.

Бумага везде была цела и не прострелена.

И стрелял несколько раз подряд—и ни разу не попал.

Пули улетали неизвестно куда.

Их не было даже в стенке сарая.

Меня взяло отчаяние.

— Наверное монтекристо испорчено! — решил я.

— Эх ты, стрелок! — услышал я сзади насмешливый голос дяди. — Лампу расшиб, а в сарай попасть не можешь!

— Оно испорчено! — сказал я смущенно рассматривая ружье.

— А ну-ка, попробуем! — Дядя взял монте-кристо, зарядил его, вскинул одной рукой к плечу и выстрелил.

Я побежал к цели, но лист бумаги опять был чист.

— Промах! — с торжеством крикнул я.

— Не может быть! — уверенно сказал дядя, подходя к цели. — А это что?

Он указал мне на угольную точку в середине круга.

Тут только я рассмотрел, что она была прострелена пулей.

Я с восторгом посмотрел на дядю.

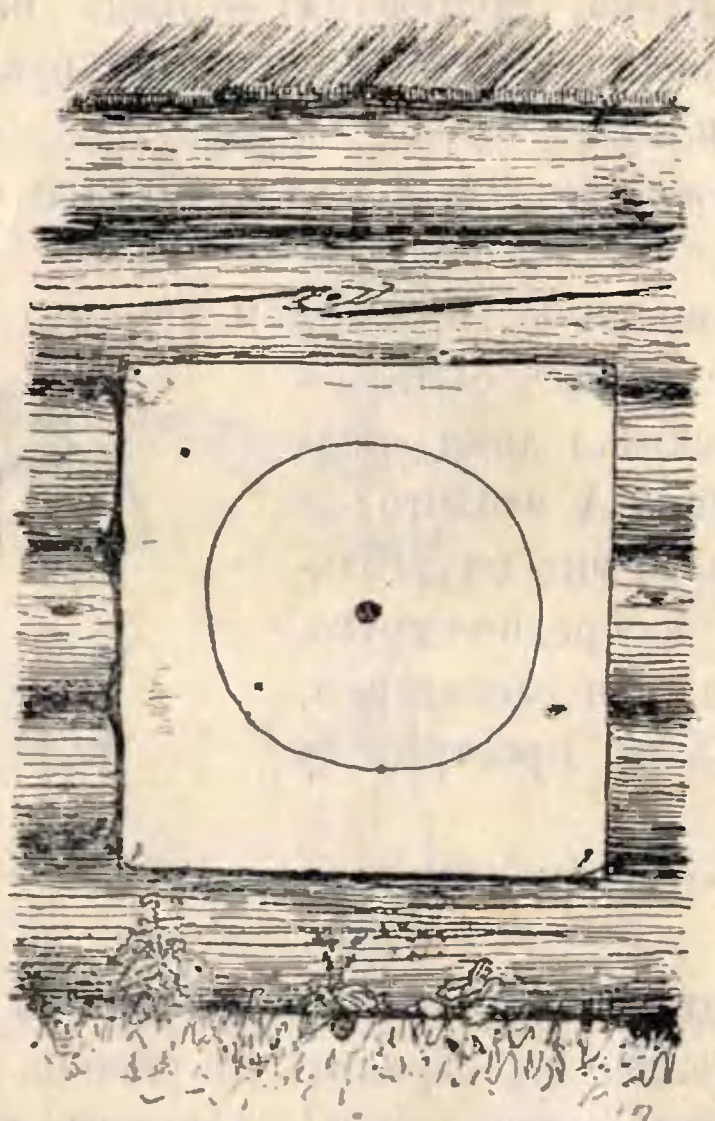
— Винтовочка бьет верно! — сказал он, улыбаясь. — Только ты стрелять не умеешь. Все твои пули летели через сарай! Смотри: видишь на конце ствола торчит словно гвоздик?

— Вижу.

— Ну вот, это — мушка, а около затвора укреплена тоненькая, железная дощечка с прорезью — это прицел. Чтобы попасть в цель, надо плотно упереть приклад ружья в плечо, а не так, как ты — под мышку. Смотреть в прорезь прицела на самый

кончик мушки и наводитъ ружье на цель. Понял?
— Понял!

— Когда кончик мушки коснется середины цели—плавню нажать на собачку и выстрелить.

— А я думал, чем скорей, тем лучше!

— Нет. Если дернуть быстро, то ружье вздрогнет и пуля полетит в сторону. Теперь учишь сам. Мне некогда.

Дядя передал мне монтекристо и ушел.

ВОРЫ Я стрелял еще десять раз и с каждым разом попадал все лучше и лучше.

Один раз попал даже в точку.

Я решил упражняться в стрельбе каждый день и пошел домой чистить монтекристо.

По пути зашел к дровам посмотреть на кольцо... но оно исчезло.

Я искал везде, шарил рукой под дровами, но кольца нигде не было.

В отчаянии я сел на валявшееся рядом полено и не знал, что делать.

Вдруг среди дров мелькнуло что-то серое, и из щелки высунулась острая мордочка.

— Крыса!

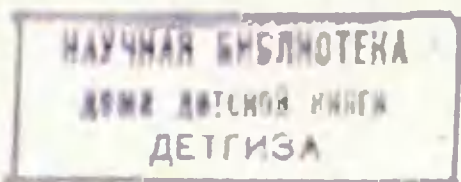
Не долго думая, я прицелился и выстрелил.

С писком раненая крыса шмыгнула под широкую доску, лежавшую около дров.

С помощью палки с большим трудом я приподнял конец доски.

Под ним лежала мертвая крыса. Здесь было ее гнездо из сухой травы, тряпок и бумаги.

Я раскопал гнездо.

Из него что-то блеснуло и выкатилось на землю.

— Кольцо! — вскрикнул я радостно.

Порывшись в гнезде, отыскал еще маленькую серебряную ложку. Больше в нем ничего не было.

Довольный находкой и удачным выстрелом, я взял крысу за хвост и пошел к дому.

Мне хотелось снять с нее шкурку и набить чучело, как делают это охотники за тиграми, когда убьют первого зверя.

Кольцо же решил припрятать на этот раз в таком месте, где крысы его не найдут.

К дому была приставлена лестница.

Я взобрался на нее и спрятал кольцо вместе с ложкой на крыше.

— Теперь не достанут! — подумал я. Спустился и прошел к себе в комнату.

Положил крысу на стол и разрезал ее вдоль финским ножиком.

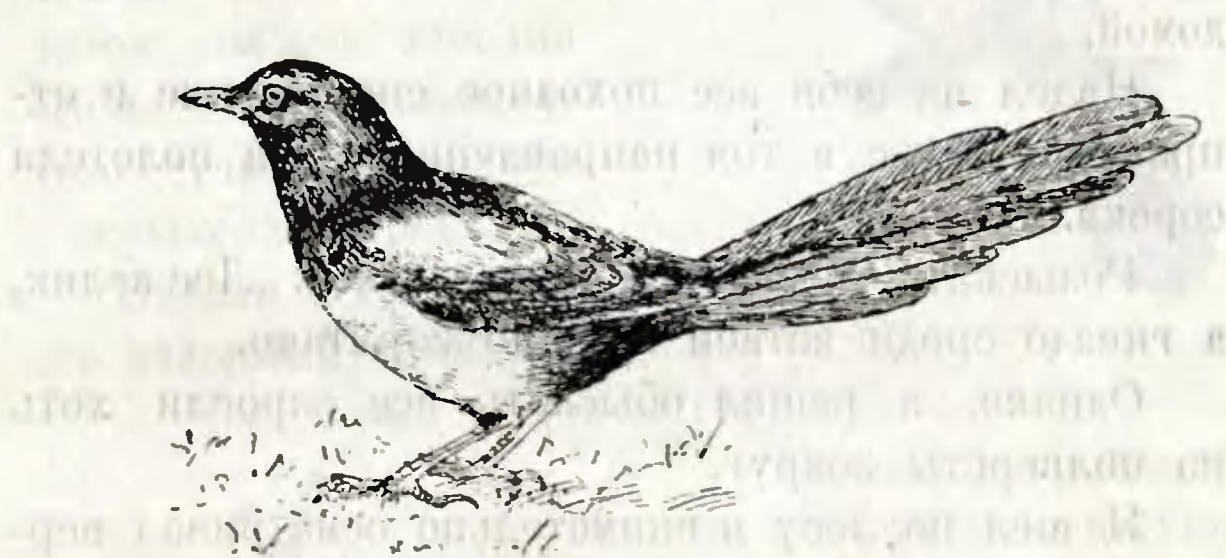
Потянул края разреза, но шкурка лопнула.

Чтобы удобнее было снимать кожу, я разрубил крысу поперек, и опять ничего не вышло.

Шкурка разорвалась в клочья.

Я весь перемазался в крови, а от крысы остались только голова и хвост.

С досады вышвырнул их в окно и принялся чистить монтекристо.

Мимо окна пролетела сорока.

— Надо ружье испробовать,—подумал я. Быстро зарядил его и выскочил в окно.

В тот же момент сорока слетела с крыши.

В клюве она держало кольцо.

Я выстрелил ей в догонку, но не попал.

Сорока скрылась за верхушками деревьев.

Я залез на крышу. Ни кольца, ни ложки там не было.

Пока я снимал шкурку и чистил ружье, сорока побывала на крыше два раза.

Ей понравились блестящие вещи, и она их украла.

Я чуть не заплакал с досады.

До сестриных именин оставалась неделя.

Надо было за это время выследить сороку и найти ее гнездо.

Порешив на этом, я успокоился и вернулся домой.

Надел на себя все походное снаряжение и отправился в лес в том направлении, куда полетела сорока.

Розыскать гнездо — дело не легкое. Лес велик, а гнездо среди ветвей хорошо спрятано.

Однако, я решил обыскать все заросли хоть на полверсты вокруг.

Я шел по лесу и внимательно осматривал верхушки деревьев.

На каждом шагу останавливался и прислушивался.

Сороки не было слышно.

Не видно было гнезда.

Кругом только лес шумел.

Я пробирался среди кустов можжевельника и вдруг услышал странные звуки.

В кустах словно кто-то ударял камешками друг о друга.

... Чок... чок... чок... гирр — неслоь откуда-то.

Я притаился. Определил место, откуда неслись

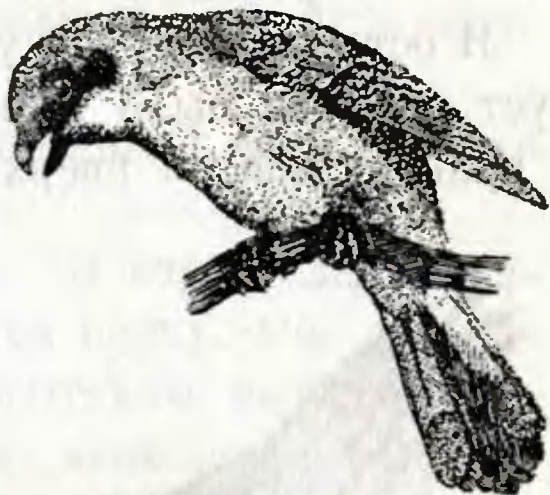
звуки, и увидел небольшую серую птицу с белым брюшком и черными пятнами около глаз.

Я сразу узнал маленького хищника — серого сорокопута, разорителя птичьих гнезд.

Он сидел на ветке можжевельника и держал в клюве мертвого птенца. Ловким поворотом головы насадил его на острый конец сухого сучка, вспорхнул и скрылся за деревьями.

Издали доносился его задорный крик:

... Чок... чок... чок... гирр...

Я подошел к кусту, на котором висел птенец. Рядом с ним, на том же сучке, были насажены, как сушеные грибы, два жука и ящерица.

Сорокопут накалывает добычу на сучки, где она по многу дней вялится на солнце, пока не высохнет.

В дни неудачной охоты он питается своими запасами.

Пока я рассматривал жуков, вблизи снова слышалось чоканье.

Я проворно спрятался в кусты.

Сорокопут прилетел с другим итенцом и принялся его расклевывать.

Я осторожно просунул дуло монтекристо сквозь куст и хотел было уже выстрелить, но сорокопут с криком взвился вверх, как стрела...

Над лесом парил ястреб...

Сорокопут храбро кинулся на него.

Нападение было так неожиданно и стремительно, что ястреб отступил перед маленькой птицей и скрылся за деревьями.

С победоносным криком опустился сорокопут на свой куст.

Он прыгал на ветке, задорно поглядывая на небо, готовый опять ринуться в неравный бой.

Но ястреб больше не показывался, и сорокопуд понемногу успокоился.

Я выстрелил в него, но не попал. Он улетел и долго не возвращался.

Мне надоело ждать. Я тихонько пошел дальше в лес.

На толстой сосне вдруг затрещала кора и что-то рыжее шмыгнуло вверх.

Я всмотрелся и увидел белку. Она с любопытством выглядывала на меня из-за толстого ствола.

Мне хотелось рассмотреть ее, как следует. Я обошел сосну вокруг, но белка все время пряталась от меня за стволом дерева.

Это меня рассердило, и я решил ее застрелить. Едва шагнул в сторону, чтоб прицелиться, как из травы с треском и свистом вырвался выводок рябчиков и расселся по деревьям, ловко спрятавшись в ветвях.

Одного рябчика я рассмотрел на ели.

Он сидел, притаившись около самого ствола. Я решил подстрелить вкусную дичинку. Вскинул к плечу монтекристо и прицелился, но не успел

выстрелить. Фыркнули крылья и рябчик пересел на другое дерево.

Как ни старался, я не мог его рассмотреть среди густой листвы.

Я обошел вокруг дерева несколько раз. Слышно, как рябчик посвистывает, а не видно где. Вдруг фыркнет крыльями, перелетит на соседнее дерево и опять спрячется.

Долго я гонялся за рябчиками и разогнал их по всему лесу.

Наконец последний из них улетел куда-то далеко, и я уже не мог его больше найти.

Тут только я почувствовал усталость и решил отдохнуть у ручья, журчавшего в овраге.

Через минуту я был около него. Сбросил на землю мешок и сумку с патронами.

Расположился в прохладной тени толстой осины. Меня мучила жажда. Я собрал кучу хвороста для костра, взял чайник и пошел к ручью за водой.

В одном месте вода с шумом падала с уступа на плоский камень.

Дальше ручей расширялся и с плеском бежал среди камней по оврагу.

Я с наслаждением подставил голову под струю водопада и освежился.

Собрался зачерпнуть воды в чайник, когда заметил птицу ростом со скворца с черной спиной и бурой грудью.

Она сидела на камне, торчавшем из воды, и смотрела в ручей.

Вдруг бросилась в воду и исчезла.

— Утопилась! — вскрикнул я и кинулся спасать, но на дне ее не было видно.

В это время она вынырнула саженях в пяти дальше и, как ни в чем не бывало, уселась на другом камне.

В клюве она держала маленькую рыбку. Она ее тут же и съела.

Несколько раз птица кидалась в воду и каждый раз выныривала с добычей.

Впоследствии я узнал, что это была оляпка, или водяной воробей. Он живет зиму и лето около быстрых ручьев, где добывает себе пищу.

Насмотревшись на удивительную птицу, я зачерпнул в чайник воды и вернулся на бивуак.

Скоро запылал костер. Над огнем, на рогульке, закипал чайник, а я отдыхал и любовался уютным лесным уголком.

Когда закипела вода, я заварил чай. Достал из мешка сухари, сахар и с аппетитом принялся закусывать.

Вдруг по лесу пробежал порыв ветра.

Затрепетали листья осины.

Загудели старые ели и сосны.

За шумел лес.

Моего слуха коснулось отдаленное стрекотание сороки.

Я прислушался и ясно услышал ее крик где-то вниз по течению ручья.

Выплеснул недопитый чай. Закинул за плечи мешок. Схватил монтекристо и побежал вдоль ручья.

Я увидел сороку, сидящую на верхушке ели.

Рядом росла развесистая береза.

На ее ветвях я заметил кучу хвоста.

Это было гнездо.

Тревожно застрекотала сорока, слетела с ели и принялась летать вокруг, думая отвлечь меня в сторону.

Береза была ветвистая и влезть на нее было легко.

Я скинул на землю мешок, положил на него монтекристо и полез.

До гнезда было сажени три, и я скоро добрался.

Оно держалось в разветвлении трех сучков. Сбоку чернел вход, а сверху гнездо было прикрыто крышей из сучьев.

Я засунул в гнездо руку по самый локоть; мне хотелось прежде всего достать птенцов, но их там не было.

Я оглянулся и увидел маленьких сорок на соседнем дереве. Они уже оперились, только хвосты еще были короткие. Птенцы сидели на сучке все рядом, нахохлившись.

Мне было не до них.

Я принялся осторожно перебирать настилку гнезда. •

Первое, что мне попало под руку — это моя ложка.

Я сунул ее в карман и с нетерпением продолжал обыск.

Вскоре нащупал что-то круглое и вытащил из гнезда... серебряный рубль!

Я отправил его в карман вслед за ложкой и продолжал шарить в гнезде.

Что-то острое резнуло мне палец. Я вскрикнул и вытащил осколок стекла.

С досады швырнул им в сороку.

Перекопал все гнездо и чуть не свалился от радости, когда, наконец, попалось кольцо.

Бережно спрятал его в самую глубь кармана, погрозил сороке кулаком и стал спускаться с дерева.

Когда до земли было не больше сажени, вдруг заметил на суку какие-то серые шары.

Я ногой скинул один из них на землю.

Шар сплюснулся и треснул, как бумажный, а из него вылетел, звеня крыльями, целый рой разозленных ос. Это было осиное гнездо.

Я спрыгнул с сука. Схватил мешок с ружьем и бросился бежать.

Осы гнались за мной следом.

Две больно жальнули в шею.

В ужасе я мчался сквозь кусты, вдоль ручья, не разбирая дороги, и выбежал на берег реки, где удил рыбу.

Осы отстали, но я был ужален во многих местах. Лицо распухло и сильно болело. Я смочил его водой и мне стало легче.

Присел отдохнуть на берегу реки и достал из кармана ложку, рубль и кольцо.

Я никак не мог придумать, куда бы их спрятать.

— Из дупла — думал я, — может похитить какая-нибудь другая птица. В землю закопать — да вдруг потом места не найду!

Мне пришла в голову новая мысль.

Я достал из мешка бечевку, крепко привязал к ней ложку, рубль, а на конце кольцо.

Отыскал на берегу ивовый куст, привязал к нему свободный конец веревки, а другой — с кольцом, ложкой и рублем опустил в реку.

— Ну, теперь все концы в воду спрятааны! — засмеялся я своей хитрости. — Ни сорокам, ни крысам не достать их из воды, а уж люди не догадаются!

Довольный выдумкой, я пошел на хутор.

Когда входил в дом, у меня лицо так раздуло, что один глаз закрылся.

Тетка меня едва узнала.

Пришлось отси-
деть дома целых три
дня.

Дядя меня никуда не пускал и пригрозил отобрать монтекристо, если не буду слушаться.

ИМЕНИНЫ Наступил день сестриных именин.

Я проснулся раньше всех, вылез тихонько в окно и побежал к реке за кольцом.

Отыскал куст. Бечевка висела на месте. Всё было в порядке.

Я потянул верёвку наверх.

Вот показался из воды рубль.

Вылезла вслед за ним ложка, а кольца на конце... не было!

Веревка была оборвана.

Я чуть не заплакал. Да слезами делу не поможешь!

— Наверное оно оборвалось — думал я, — и упало на дно реки.

Я наклонился над водой и долго всматривался в глубь.

Место было глубокое, а дно илистое.

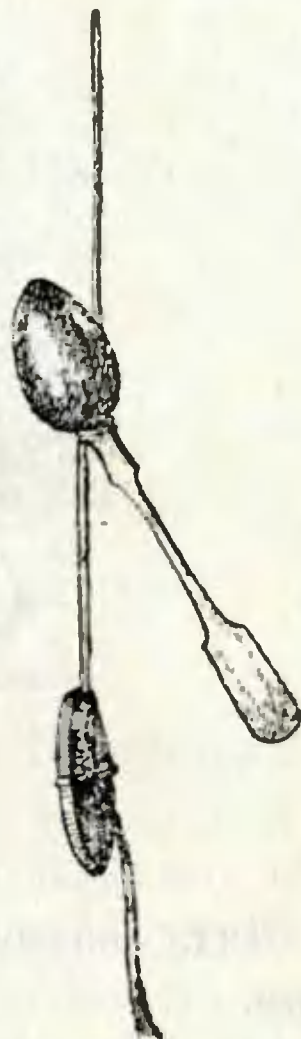
На этот раз кольцо пропало окончательно.

Положил я ложку в один карман, рубль в другой и печально пошёл домой.

Около дома, в саду, я увидел сестру с дядей.

Дядя читал письмо из города, а она поливала клумбу с цветами.

Дядя сразу заметил меня и позвал к себе.

Делать нечего — пришлось идти.

— Куда это ты шлся спозаранку? Почему к чаю опоздал? — спросил он строго.

— Я ходил гулять на реку, — запинаясь ответил я.

Дядя нахмурился и пристально посмотрел на меня.

— Димка! ты что-то врешь! — сказал он сердито. — Поздравь-ка сестру с именинами да ступай чай пить!

— Миновала гроза! — подумал я, целуя сестру. — Он ничего про кольцо не знает! — И пошел тихонько в дом.

Вдруг дядя остановил меня:

— Пстой-ка, где твой подарок-то имениннице?

Я так и похолодел от страха, а он продолжал допрашивать.

— Где кольцо? Куда его дел?

— Какое кольцо? — радостно спросила сестра. — Это что папа обещал мне подарить? — И захлопала в ладоши.

Я растерялся и не знал, что делать.

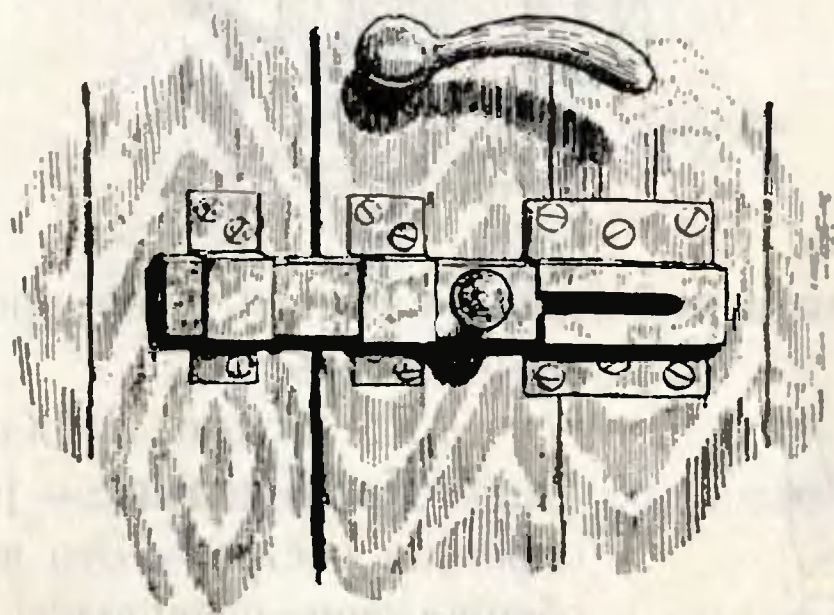
Вынул дрожащей рукой из кармана рубль и протянул его сестре, вместо кольца.

— Это еще что? — закричал дядя, — откуда у тебя деньги?

Я одурел от испуга.

Невнятно пробормотал, что рубль нашел в гнезде у сороки, вынул из другого кармана ложку и протянул ее сестре вместе с рублём.

— Не надо мне твоих ложек и денег! — закричала она. — Отдай мне кольцо! — и заплакала. Дядино лицо побагровело от гнева и изумления.

— Это ты что! — задыхаясь, проговорил он. — Ведь ложка эта моя — две недели назад из кухни пропала!

Я чувствовал, что без вины в воровстве попался.

— Это не я, — бормотал я, — а крыса!

Но поздно было оправдываться.

Дядина рука подняла меня за ворот.

Завертелся у меня перед глазами сад, и я очутился в чулане.

Хлопнула дверь.

Щёлкнула задвижка.

Я сидел в темноте.

ПОСЛЕДНИЙ ВОР

— Здорово вы с парнишкой-то расправились! — услышал я за стеной чьи-то слова, обращённые к дяде. — Чать, нашкодил чтонибудь? Рыбки

вам не надо ли свежей?

— Да, — ответил дядя всё ещё сердитым голосом. — Скверный мальчишка стал. Стащил серебряную ложку в кухне, ещё рубль где-то, а теперь без зазрения совести дарит их вместо кольца, которое потерял где-то. Да ещё врёт что-то несуразное... Ну, и дети же теперь пошли! — Дядя плюнул с досады и спросил: — Рыбу-то почему продаёте?

— Пять копеек, какой хотите... Вот лещи, окуни, а вот щука фунтов на восемь — не угоднели для именинницы?

Я тихонько встал на ящик и посмотрел в маленькое окно, что выходило в сад.

Мне хотелось плакать и кричать от обиды, но я сдерживался.

В саду стоял старый рыбак. На верёвке, перекинутой через плечо, у него висела целая связка рыбы.

— Я щуку возьму, — сказал дядя. — Только вы уж ее выщипайте кстати, жене меньше хлопот будет.

— Это с нашим удовольствием! — отвечал старик.

Вынул из-за пазухи нож, распорол щуке живот и вытащил внутренности.

Я видел, как рыбак вдруг выпучил глаза от удивления.

— Стой! — закричал он. — Тут что-то есть... — и вытащил из щуки... кольцо!

— Это моё кольцо! — завопил я из чулана во всё горло и забарабанил кулаками в стену.

Пораженный находкой, дядя сейчас же меня выпустил.

Я рассказал все мои злоключения с кольцом.

Рыбак молча качал головою от удивления.

Сестра плясала вокруг нас с кольцом на пальце.

Наконец дядя опомнился от изумления и сказал мне :

— Дурачина ты маленький ! Надо тебе было кольцо в дрова прятать. Дал бы мне — было бы в сохранности !

— Я хотел, чтоб никто не знал, — оправдывался я — зато я видел рябчиков, водяного воробья... знаю, какие у сорок гнёзда бывают... Я всё видел в лесу. Даже воров лесных знаю !

— А сам в домашние воры попал ! — засмеялся дядя. — Ну, подожди ! Вот уберусь с сеном — тебя на настоящую охоту свезу.

ЧАСТЬ II

ТЕТЕРЕВЯТНИК

TELETYPE UNIT

НАПАДЕНИЕ

Именины сестры для меня
прошли очень весело.

Дядя много смеялся и шутил над моими похождениями.

После обеда мы устроили состязание в стрельбе из моего ружья.

Дядя был охотник и поэтому стрелял очень метко.

Из десяти он попал в цель восемь раз, а я только два.

Вечером я вычистил ружье, повесил его у себя над изголовьем и лёг спать.

Ночью мне снились разные ужасы, и я скверно спал, а утром, сквозь сон, мне почудилось, что на хутор напали разбойники.

На дворе что-то случилось.

Кудахтали куры на все голоса, трубили гуси, даже цепвой Полкан лаял.

Глухо доносились крики тетки.

Я сорвал с гвоздя монтекристо и выскочил в окно на двор.

В тот же момент я увидел над

крышей сарая ястреба, улетавшего в лес.

В его когтях бился цыцленок.

Посреди двора стояла тетка и грозила метлой ястребу в догонку.

Несколько пушинок, подхваченных утренним ветерком, вилось в воздухе.

Я выстрелил.

Просвистела пуля и звякнула в стекло сарая — спросонку скверно прицелился и, вместо ястреба, угодил в слуховое окно.

— Вот так охотничек! — услышал я голос сестры. — И ястреба проспал и стекло расшиб вдребезги.

— А он всегда у вас голый по двору бегаёт? — спросил сестру незнакомый голос.

Я оглянулся. Оказывается, рано утром к сестре приехала в гости подруга Зина.

Махом я забрался к себе в комнату. Наспех оделся, умылся и пошёл пить чай.

За столом уже все были в сборе.

— Эх ты, с ружьем прозевал коршуна! — насмешливо встретила меня тетка.

— Где ему голоштаннику! — добавил дядя.

— Да это, тетя, не коршун, а ястреб-тетеревятник, — поправил я ее.

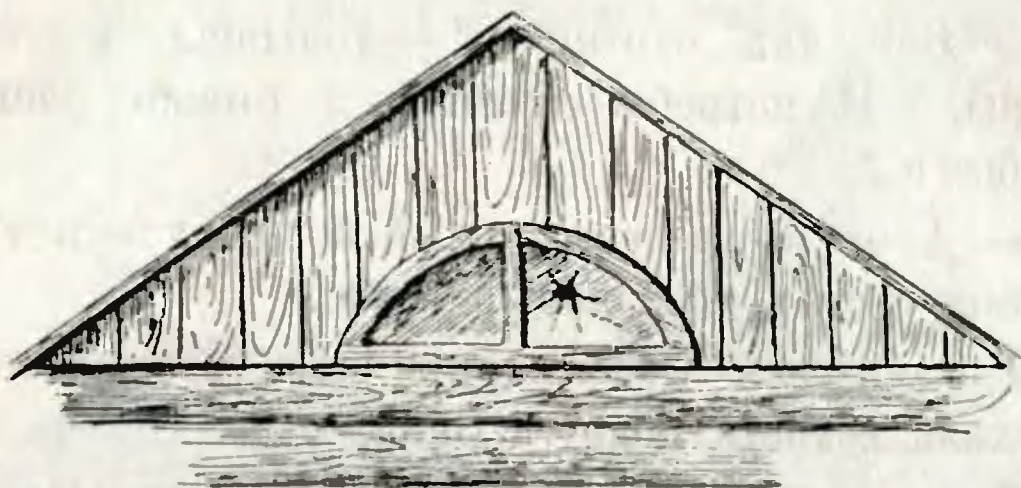
— Ну, пусть ястреб — кто их там разберет! — сказала она равнодушно. — А только вот за стекло надо бы тебя без обеда оставить.

И она вопросительно посмотрела на дядю.

Он молча пил чай, сдувая пар с кружки, а девочки перешептывались между собой, язвительно поглядывая на меня.

— Так и звякнуло стекло-то! — сказала сестра.

— И треснуло во все стороны! — добавила Зина со смехом.

Их замечания вывели меня из терпения.

Я состроил им глупую рожу и незаметно показал язык.

Они засмеялись.

— Кукольницы! — выругался я.

— Цыц у меня! — прикрикнул дядя. — Ишь, расходились! Чего мальчишку дразните!

За столом стало тихо.

— Ладно, — сказал дядя, глядя на меня. — Вчера в чулане без вины сидел, ну так сегодня можно помиловать.

После чаю девочки продолжали меня дразнить, и я решил подстрелить ястреба им на зло, во что бы то ни стало.

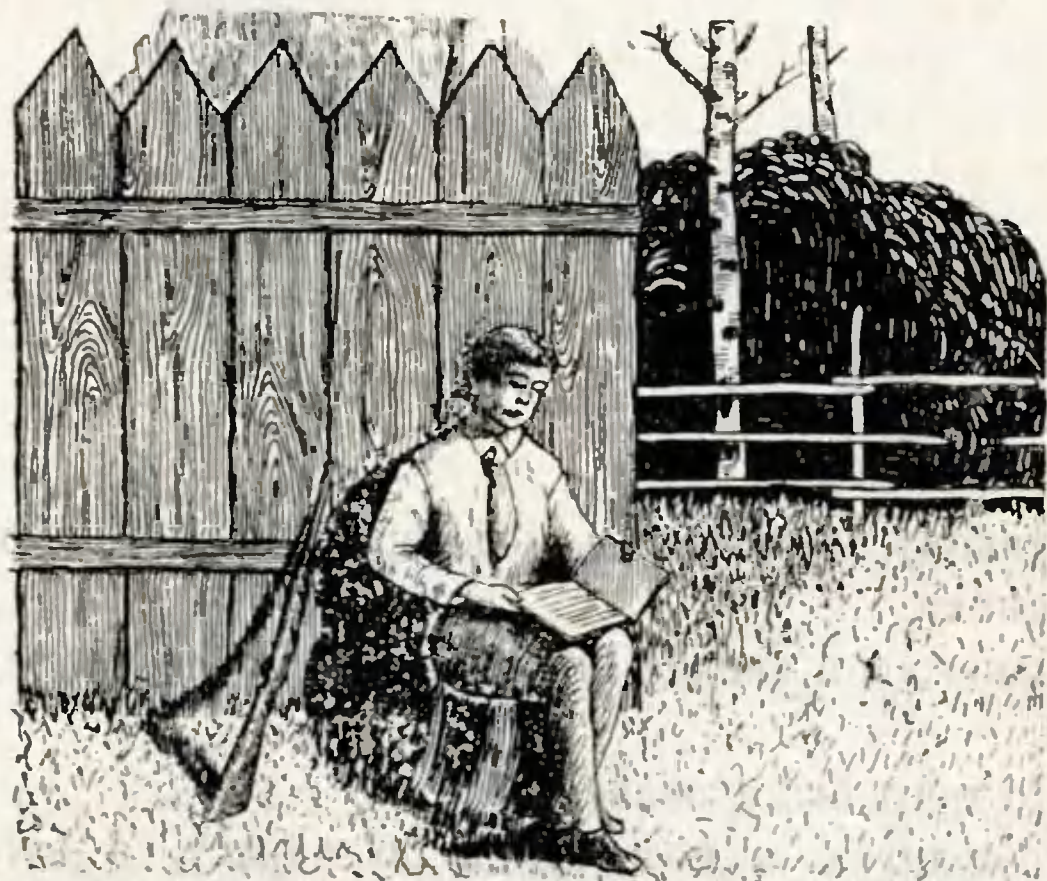
Но это оказалось труднее сделать, чем я думал.

Тетеревятник был так хитер и осторожен, что мне никак не удавалось его подкараулить.

Целыми днями я сидел в засаде на дворе и подстерегал его.

Около меня, всегда наготове, стояло мое монтекристо.

Чтобы не скучно было караулить, я читал мою любимую книгу про птиц и зверей.

Но всегда так случалось, что ястреб появлялся или рано утром, когда все еще спали, или во время обеда, в такой момент, когда никого не было во дворе.

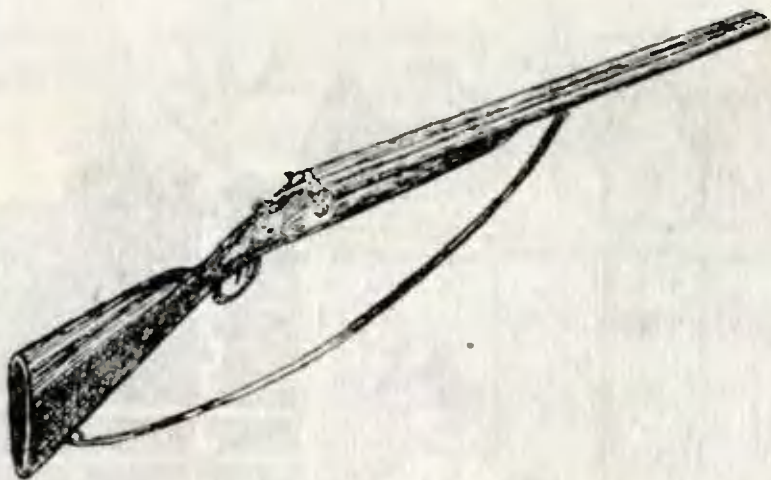
Его хитрость меня изводила, а девочки продолжали шутить над моими неудачами.

Я прямо не знал, что мне делать, что предпринять.

Почти ежедневно у нас пропадали цыплята.

Даже дядя достал свою двухстволку из шкафа и держал ее заряженной у себя в комнате.

Но ничего не помогало.

Никому не удавалось подстеречь хитрого тетеревятника.

Однажды я увидел его сидящим на колу среди поля.

До него было полверсты.

С полпути я подобрался по оврагу, а затем пришлось осторожно ползти среди густой ржи.

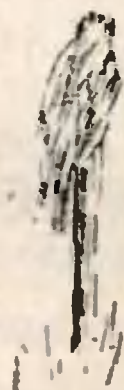
Рожь трещала, и я очень боялся выдать себя.

Я подползал с остановками, выбирая моменты, когда набегал ветерок и волновал ржаное поле.

Через полчаса я был от ястреба шагах в сорока.

Ближе не стал подползать, боясь его спугнуть. Зарядил монтекристо боевым патроном, прицелился и выстрелил.

Ястреб не шелохнулся и продолжал сидеть как ни в чем не бывало...

Я выстрелил второй раз и опять хищник остался сидеть неподвижно...

Я встал во весь рост... И он не улетел...

Всмотревшись пристальнее, я увидел на колу пук соломы, который издали принял за ястреба.

Я сорвал его с кола и вернулся домой раздосадованный.

НЕУДАЧИ. Однажды, когда я сидел в засаде на дворе и читал книгу, прибежал, запыхавшись, пастушенок Палька и таинственно сообщил мне, что ястреб сидит на столбе, в огорожке, около колодца.

Я схватил монтекристо и пополз туда, прячась в кустах.

Осторожно выглянув сквозь ветви, увидел хищника шагах в двухстах от себя.

Надо было подкрасться ближе.

Медленно, затаив дыхание, подвигался сквозь кусты, где ползком, а где на корточках.

Палька следил за мной со двора.

Тетка с девочками смотрели из окна.

Мне повезло.

Неслышно, как ящерица, я пополз к ястребу шагов на тридцать.

Дальше было открытое место.

Не чуя опасности, тетеревятник спокойно сидел прямо передо мной.

Я так отчетливо видел ястреба, что мог бы, кажется, сосчитать на его груди каждое перышко.

Круглые глаза блестели на солнце желтым огнем.

Крючковатый клюв свирепо торчал между глаз, а лапы с кривыми когтями крепко держались за столб.

Осторожно я просунул дуло винтовки сквозь куст.

Прицелился хищнику в широкую, пеструю грудь и спустил курок...

Сухо щелкнула пружина затвора. Выстрела не было: второпях я забыл зарядить ружье!

Хищник взмахнул крыльями и снялся со столба.

Обескураженный, я вылез из-под куста и долго смотрел вслед улетающему ястребу.

— Что же ты не стрелял? — спросил меня Палька, когда я, пристыженный неудачей, медленно возвращался к дому.

— Ружье испортилось... — соврал я с досады.

— Ладно, — участливо сказал Палька. — Вот бы нам с тобой на моховое болото сходить... Там остров есть. Непременно-бы гнездо ястреба сыскали и самого подстрелили.

Когда я входил в дом, девочки махали платками и насмешливо кричали:

— Вам поклон от тетеревятника! Он полетел за море помирать и просил кланяться!

— Дуры! — крикнул я им и прошел к себе в комнату.

* * *

Как-то рано утром в курятнике начался страшный переполох.

Я выскочил с ружьем во двор и бросился в курятник.

С шумом вылетел ястреб из двери, обдав меня ветром.

От неожиданности я так перепугался, что выронил ружье, споткнулся и упал в корыто с водой.

Дядя успел выстрелить из окна, но от смеха рука его дрогнула и он промахнулся.

Ястреб невредимый скрылся в лесу.

Все видели мою неудачу.

Это утро только и говорили про случай со мной.

Все смеялись над моим испугом.

Мне так было обидно, что я решил про себя отправиться на поиски гнезда в моховое болото.

— Вот будет ловко, — думал я — когда явлюсь с тетеревятником и живыми птенцами. Пусть тогда девочки просят прощения!

В ПОХОД. После обеда я занялся сборами в поход.

Раздобыл фунта два хлеба.

Уложил его в мешок.

Достал чаю, сахару и соли.

К мешку привязал чайник.

Все это проделал тихонько и незаметно, чтобы домашние не знали.

Чтобы не опоздать к ужину, чего дядя очень не любил, я потихоньку взял часы у тетки из комода и положил их в сумку с патронами.

Выбрав минуту, когда никого во дворе не было я вылез в окно и пошел в лес.

До болота надо было идти с версту по лесу.

За околицей хутора я отыскал лесную дорожку и пошел по ней.

Дорога была плохая и местами густо заросла травой.

Зимой по ней возили из леса дрова, а летом никто не ездил.

По сторонам теснились ели, осина, ольха и береза.

Солнечный свет едва проникал сквозь густую листву.

Пахло гнилыми листьями... Воздух был прохладный и влажный.

Вскоре лес поредел. Под ногами захлюпал мокрый мох.

Дорога круто свернула в сторону, и я вышел на моховое болото.

Повсюду виднелись невысокие сосны, а среди них кочки.

Дорога вилась вглубь болота.

Я не знал точно, где находится остров, про который говорил мне Палька.

Мне известно было, что среди болота есть сухое, возвышенное место с крупным лесом.

Палька рассказывал мне, что туда идет лесная дорожка и что до острова по болоту версты четыре.

Целый час я шел по тропинке. Солнце невыносимо пекло и было душно.

Пахло болотоголовом.

Ноги вязли во мху почти по колена. Местами тропинка вилась по трясине.

Со страхом чувствовал я, как под ногами колыхалась трясина, но упорно шел все дальше и дальше.

Вскоре из-за болотных зарослей показались острые верхушки высоких елей.

Очевидно я был на верном пути, и это был остров.

Я прибавил шаг и вышел на опушку старого елового леса.

Тут тропинка исчезла среди густой травы, и я пошел дальше прямо по лесу.

Прежде, чем начать поиски гнезда, я решил отдохнуть.

Отыскал среди леса лужайку и расположился на ней под тенью старой ели.

Сбросил мешок, намявший мне плечи, и вдохнул полной грудью вольный лесной воздух.

Хорошо было сидеть на мягкой хвое у еловых корней.

Мохнатые ветки нависли над моей головой и концами касались земли.

Сквозь них виднелся луг с высокой травой.

Мне очень хотелось пить. Я взял монтекристо и чайник, выбрался из-под ели и пошел искать воду, пробираясь среди густой травы, местами доходившей мне до плеч.

Ни ручья, ни реки поблизости не было.

Зато я нашел большую кочку с брусникой ■ голубицей.

Отставив ружье в сторону, с жадностью набросился на ягоды.

Собирал их горстями и ел.

Вдруг по земле скользнула тень и всколыхнулась верхушка дерева.

Я оглянулся — шагах в тридцати от меня плавно
сел на сосну тетеревятник.

Он пристально следил за мной злыми желтыми
глазами.

Я оторопел от неожиданности.

До ружья было шагов пять.

Делая вид, что собираю ягоды, я медленно
приблизился к ружью и проворно схватил его
в руки.

Едва я коснулся ружья — тетеревятник снялся с дерева и улетел в лес.

Я был очень раздосадован, что пропустил такой хороший случай.

Я дал себе слово, что в лесу всегда буду держать ружье при себе, и никогда впоследствии в этом не раскаивался.

Встреча с тетеревятником меня подбодрила. Его гнездо наверное было по близости.

Я быстро собрался и пошел вглубь острова, внимательно осматривая деревья.

Идти было очень трудно. Везде валялся бурелом, и я временами проваливался между кочками и сгнившими деревьями по самый пояс.

Прошел с полверсты и так устал, что присел отдохнуть на первый попавшийся поваленный ствол гнилого дерева.

Кругом росла густая трава.

Ветра не было, но в одном месте трава колыбалась и ясно слышался шорох.

Затаив дыхание, я всматривался и прислушивался.

Вот хрустнул тоненький сучок и что-то темное проскользнуло в траве.

— Медведь! — подумал я и мороз пробежал по коже.

Я крепко сжимал в руках монтекристо, хотя знал, что на медведя оно не годится.

Вот раздвинулась трава и из нее медленно вышла... огромная, черная птица с красными бровями и белым клювом.

Она важно переступала мохнатыми ногами по мягкому мху.

Временами останавливалась и прислушивалась, вытягивая вверх длинную шею.

Я сидел неподвижно, как статуя, и птица меня не замечала.

Это был глухарь или, как его иначе называют, за то, что живет он на моховых болотах, мошник.

Я его сразу узнал потому, что много раз видел на картинках и на базаре.

Но здесь он мне показался особенно большим и красивым.

Мне очень хотелось его подстрелить, чтоб вдоволь потом налюбоваться красивым оперением.

Я выждал момент, когда он повернулся ко мне спиной, поднял ружье и выстрелил.

Как хлопнушка щелкнул выстрел.

Загрохотал глухарь крыльями и, с треском ломая на пути сучья, побежал в траве к лесу.

— Ранен! — обрадовался я и бросился за ним следом.

Я прыгал через кочки, кучи хвороста, спотыкался на каждом шагу и проваливался в какие-то ямы.

Я долго гонялся за ним во все стороны. Стрелял — и все неудачно.

Наконец, глухарь собрался с силами, взлетел и скрылся в лесной чаще.

Исцарапанный и ободранный, с синяком на лбу, еле переводя дух, я выбрался из бурелома.

Впопыхах потерял сумку с часами и патронами. Только несколько штук их осталось у меня в кармане.

Куртка на мне была разорвана, местами выдраны целые клочья.

Измученный, я сел на кочку и заплакал.

Я решил скорее вернуться домой, незаметно пробраться к себе и переодеться, а рваное платье спрятать, чтоб никто не видал.

Я встал, чтоб идти но... тут заметил, что совершенно забыл направление к дому.

Я пошел на угад в одном направлении, но мне преградил дорогу глухой еловый лес.

Я кинулся в другую сторону. Шел быстро и долго, стараясь припомнить по пути хоть одно

знакомое место или дерево и вдруг вышел к кочке, на которой недавно сидел...

В отчаянии я метался во все стороны. Наконец так запутался и забрался в такую трущобу, что и вылезти не мог. Я кричал и

громко звал на помощь, плакал, но все было напрасно.

Безмолвно черной стеной стоял кругом лес.

Ни единый человеческий голос не ответил на мой крики....

Только эхо глухо отзывалось на мой отчаянный вопль...

Надвигались сумерки.

Солнце скрылось за деревьями, и в прогалинах белым пологом потянулся туман.

Мне стало страшно.

К счастью, спички были при мне.

Я набрал хвороста, надергал сухой травы и развел костер.

Весело затрещал огонь, разгоняя лесной мрак. Сразу повеселело у меня на душе.

Я решил переночевать в лесу, а утром, едва солнце взойдет, взобраться на высокое дерево и осмотреть окрестности.

Порешив на этом — успокоился.

— Конечно, от дяди здорово влетит, — рассуждал я сам с собой, — но зато проведу ночь в лесу у костра, как настоящий охотник.

Стихли птичьи голоса.

Потонул во мраке лес.

Я набрал большую кучу хвороста и время от времени подбрасывал в огонь топливо.

Голод и жажда давали себя чувствовать.

Спотыкаясь вштымах о кочки, я долго искал воду, и наконец, нашел ее в яме под корнями вывороченного бурей дерева.

С большим трудом начерпал полный чайник и повесил его над костром.

Через полчаса с жадностью пил сладкий чай и закусывал хлебом.

Вода была мутная, но мне она казалась вкуснее ключевой.

Прижавшись спиной к дереву, я грелся у костра. С шипением потрескивали мокрые сучки...

Искры, как звезды, взлетали во мрак и гасли в мохнатых ветвях старой ели.

Незаметно я задремал.

Мне снилось, что я мирно силю у себя дома в уютной постели...

В доме тишина, только часы мирно тикают в столовой.

... Тик-так... тик-так... тик-так...

— Ух...х...х...ху! — гукнул кто-то в лесу около меня.

Я, как ошпаренный, подскочил на месте и замер от ужаса.

Из мрака на меня смотрели два круглых светящихся глаза....

Вдруг они потухли и большая черная тень беззвучно метнулась над моей головой, пахнув холодным ветром в лицо, и скрылась в лесной мгле.

— Ух...у...у...у...—повторился где-то вдали жуткий крик.

Я не знал, что так кричит большая ночная птица филин или, как его по-просту называют, — пугач, за то, что он своим криком пугает людей. — Поэтому я сидел ни жив, ни мертв от страха.

Кругом была непроглядная темь, только небо едва серело.

Костер давно потух.

В золе тлели два или три уголька.

Дрожащей рукой бросил я на них сухой травы и хвороста.

Вспыхнуло яркое пламя.

Я расхрабрился и посмотрел по сторонам.

Кругом было тихо и спокойно. Небо заметно посветлело. Кончалась короткая, летняя ночь.

Я проспал наверное часа четыре, потому что чувствовал себя бодрым и сильным.

Наскоро вскипятив воду, напился чаю и закусил остатками хлеба.

Порозовело небо.

Я вскинул за плечи мешок и медленно побрел сквозь чащу, навстречу восходящему солнцу.

С его восходом — ночной страх с меня как рукой сняло.

Я высматривал высокое дерево.

Несжиданно вышел на опушку леса и был изум-

лен... передо мной вилась знакомая мне тропинка....

Она ясно чернела
в траве, посеребренной
росой...

Я ночевал от нее
в ста шагах...

.
.

Едва я сделал по

тропинке несколько шагов на моховое болото, как из за кустов вылетел тетеревятник.

Щелкнул выстрел монтекристо

и пулька затрепала по сучкам.

Тетеревятник быстро скрылся в глубь болота — невредимый.

Я осмотрел место, где он сидел, и нашел на

моховой кочке груды опципанных, черных перьев и недоеденные остатки головы с красными бровями.

Это, конечно, был мой раненый глухарь...

Мне так его стало жалко, что я чуть не заплакал.

Я молча зашагал к дому.

ДРУЗЬЯ. Недалеко от хутора я встретил Пальку и рассказал ему все мои приключения и неудачи.

Он взялся проводить меня на хутор и помочь незаметно забраться в дом.

Я все еще думал, что может быть мое отсутствие не замечено.

Мы тихонько подкрались к окну моей комнаты.

Я уже наполовину залез в окно, как вдруг во дворе раздался сердитый окрик тетки:

— Стой, негодный мальчишка!

От неожиданности я чуть не скатился назад, да в этот момент дядя схватил меня за ворот и втащил в комнату.

Он так был сердит, что не мог вымолвить ни слова.

Я хотел было просить прощения, но не успел.

Дядя молча поволок меня по комнатам.

Мелькнули испуганные лица девочек.

И я опять сидел в знакомом мне чулане.

— Не видать тебе больше твоего ружья! — сказал дядя и, хлопнув дверью, вышел.

Щелкнула задвижка, и я очутился один в темноте.

Дядина угроза — отобрать монтекристо, напугала меня больше всего.

Я сидел в потемках на ящике и всхлипывал.

В это время кто-то осторожно отодвинул задвижку.

Тихо скрипнула дверь, и в чулан просунулась Зина.

— Димочка, — прошептала она — не сердись. Мы больше не будем тебя дразнить!

— Уходи! — крикнул я сердито и топнул ногой.

Но она не ушла.

— Хочешь принесу огурцов или хлеба с маслом? Только прости нас...

Я молчал, раздумывая какой бы потребовать выкуп. Мне очень хотелось есть.

— Что же ты молчишь? — спросила Зина и в ее голосе послышались слезы, — хочешь из теткингого комода конфект достану... или варенья принесу...

Тут мне в голову пришла отчаянная мысль. Я даже про голод забыл.

— Достань монтекристо! — сказал я. — И принеси сюда. Тогда все прощу!

— А зачем его тебе? — с любопытством спросила Зина.

— Я спрячу его под пол, и дядя не найдет.

— А вдруг узнает!—испуганно прошептала она. — Тогда нам всем попадет!

— Никто не узнает!—ответил я уверенно. — Ты запрешь чулан и дядя подумает, что украли воры...

— Хорошо!—Она прикрыла дверь, и я услышал удаляющиеся шаги.

Через пять минут в моих руках было монтекристо и песколько мятных пряников.

— Спасибо!—радостно прошептал я.

— Больше не сердись?—весело спросила Зина.

— Нисколько!

Она заперла чулан и, крадучись, ушла.

— Ловко!—подумал я, облегченно вздохнул и улыбнулся. — Теперь спрячу монтекристо так, что никто не найдет.

Во дворе слышались голоса.

Я приставил ящик к стенке чулана и выглянул во двор через маленькое окошечко.

Сестра сидела на приступке крыльца и читала вслух книжку.

Рядом с ней была Зина.

Иногда они весело смеялись и шутили.

Посреди двора играл котенок с большим голубым бантом на шее.

Это был любимец Зины — она привезла его с собой из города.

Он то подкрадывался к курам, то ловил бабочек и мух...

Все кругом было так мирно и спокойно.

Один я страдал...

Мне стало жалко самого себя.

По щекам моим побежали слезы, и я крепко прижал к груди мое любимое монтекристо.

В это время дядя заметил пропажу.

— Куда ружье делось? — спросил он тетку.

— Ружье? — переспросила она, растерянно перекладывая ящики в комод. — Не знаю... У меня часы пропали! Этот дрянной мальчишка...

Но тетка не договорила до конца.

Из чулана глухо донесся выстрел...

— Застрелился! — взвизгнула она, побелела, как полотно, и опрометью бросилась к чулану. Дядя едва за ней поспевал.

С волнением тетка распахнула дверь...

Я выскочил к ней навстречу с радостным криком:

— Наконец-то я его застрелил!

Тут вбежала сестра:

— Тетя, котенка ястреб схватил!

— Да ну?!...

— И он застрелил его из чулана!

— Да кого — котенка, что ли?

— Ястреба — вот он!

В комнату вошел мокрый и грязный Палька.

В руке он держал подстреленного мной ястреба, а через плечо была перекинута сумка с патронами. Он сыскал ее в лесу по моим следам.

— Инь, стерва, какой тяжелый! — сказал Палька. — Ловко ты его хлеснул из форточки! Куда положить-то? — спросил он, опуская ястреба в угол комнаты. И добавил:

— Ноги-то ему не забудь отрезать!

— А на что? — спросили девочки.

— Лесничий за его убой награду назначил. Надо только ланы доставить и деньги выдадут.

Счастливец — заработал себе на порох! — закончил Палька и передал мне сумку с патронами.

Из нее вдруг выскочили часы и повисли на цепочке.

— Вот они где! — с изумлением вскрикнула тетка. — А ружье к тебе как попало? — И она строго посмотрела на девочек.

Зина покраснела, как рак.

— Помощница!... — сказала тетка и добродушно погрозила ей пальцем. — А ты, Димка, смотри у меня в другой раз!

— Мы обе помогли! — смеялись девочки.

Дядя расхохотался.

— Ну и везет тебе, как утопленнику — второй раз от чулана откручиваешься!

Так кончилась моя охота за тетеревятником.

ЧАСТЬ III

ТОРГОВЦЫ НЕВОЛЬНИКАМИ

У ЛЕСНИЧЕГО.

Я уговорился с Палькой, что он зайдет за мной через час, и мы вместе отправимся к лесничему.

За это время я кончил все мои приготовления. Переоделся и помылся. Отрубил ястребу лапы и крылья.

Лапы связал веревочкой, чтоб не потерять и спрятал их в карман, а крылья расправил во всю их длину и прибил в моей комнате к стене для украшения.

Вычистил монтекристо и повесил его под крыльями, вместе с финским ножиком и патронной сумкой.

Комната сразу приняла очень внушительный вид.

— Совсем как в хижине охотника за орлами, — подумал я с гордостью. — Кинжал, винтовка и огромные крылья орла, застреленного над пропастью.

Я сел на кровать и замечтался.

Воображение унесло меня в даль...

Я видел мрачное ущелье среди неприступных скал...

Шумный поток, мчащийся в бездну...

Снежные вершины гор...

А среди скал на узенькой тропинке — самого себя в папаше, с винтовкой в руке и кривым кинжалом у пояса...

Я подкрадываюсь к орлу... Он сидит на уступе отвесной скалы.

Вдруг из-за камней выскакивают разбойники.

Я стреляю направо, налево... шум, крики выстрелы, — и с размаха лечу на пол.

— Чего дерешься! — гудит над ухом голос Пальки. — Ошалел, что ли!

Я вскочил, протер глаза и с трудом сообразил, что видел сон.

— Мне при-
снилось... — на-
чал было я, да
Палька перебил
меня обидчиво.

— То-то при-
снилось! Так
разве люди снят
— кулаком в нос
заехал! Я-б тебе
ляпнул тоже...

Шутя и пе-
ребраниваясь,
мы вышли с ху-
тора на просе-
лочную дорогу.

— Далеко до
лесни чего? —
спросил я Паль-
ку.

— Нет, вер-
сты две отсюда,
рядом с селом, —
ответил он, бой-

ко шагая босыми ногами по пыльной дороге.

— Что же он там делает? — поинтересовался я.

— Лес караулит, — объяснил Палька. — И за пастухами смотрит, чтоб скот в казенный лес не гоняли.

— Почему тебя пастухом зовут? — спрашивал я от нечего делать.

— А потому, что раньше коров пас, — сказал он. — Теперь дома по хозяйству работаю... Тятка прошлой зимой помер...

— С кем же ты живешь? — спросил я сочувственно.

— С матерью. Два меньших брата коров пасут, а у деда пасека — пчел разводит. Вот и живем.

— Что же ты делаешь?

— Матери помогаю, а зимой зайцев и куропаток силками ловлю. В город возим продавать.

Тут Палька оживился.

— Знаешь что — быстро вдруг заговорил он. — Я певчих птиц ловить собираюсь. Можно деньги заработать — птиц в город продавать. Только вот снасти нет... Покупать надо...

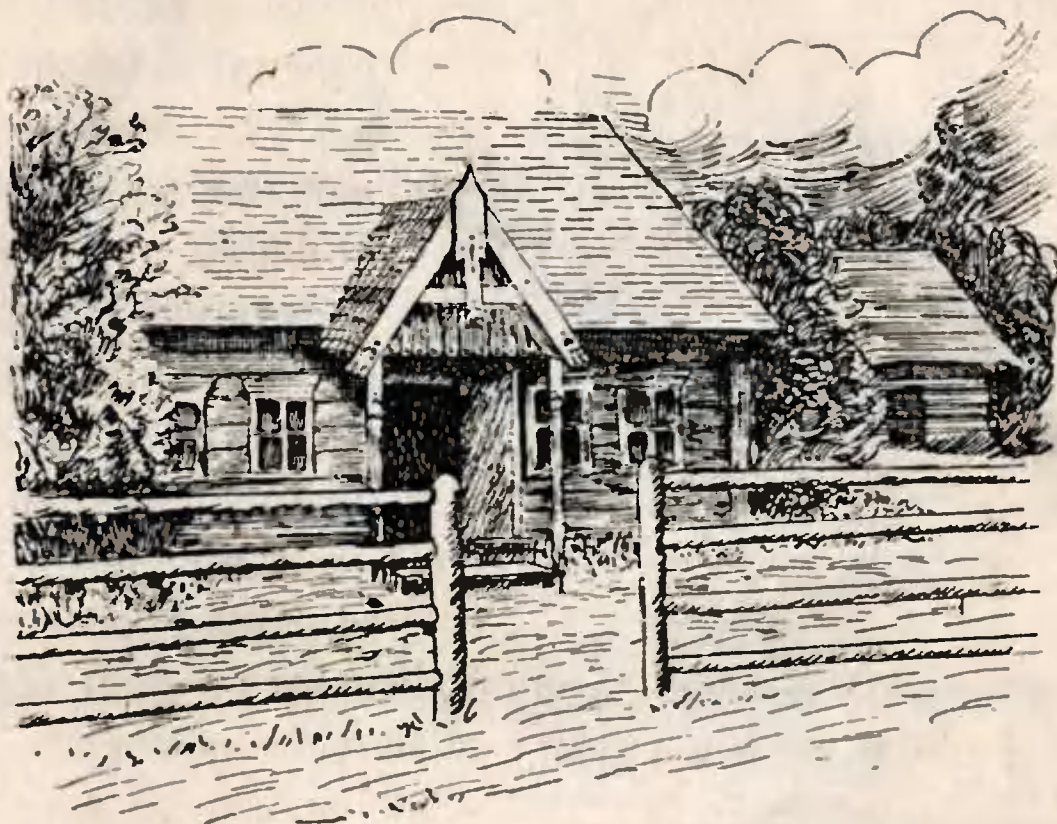
— А много денег надо? — спросил я.

— Ой, много! — сказал он уныло. — Ниток одних на сеть сколько уйдет... рубля три надо...

Я молча шел за ним, стараясь ступать по его следам, и думал как бы помочь Пальке.

— Вот и дом лесничего! — крикнул он, показывая пальцем на зеленую крышу среди леса у самой дороги.

Рядом виднелись сарай, амбары и высокая изгородь из досок.

Мы вошли через ворота во двор.

В будке спал цепной пес.

По двору разгуливали куры и утки.

Толстая свинья с хрюканьем чесала бок о край колодца

Дом был большой, одноэтажный.

Мы поднялись по широким ступенькам на крыльцо, стараясь не шуметь.

Дверь была приоткрыта.

— Ступай ты вперед, — сказал Палька. — Мне что-то боязно!

— Хорошо. Я буду говорить, а ты думай и подсказывай, если что не так скажу!

— Идет! — согласился он и мы робко вошли в большую, темную комнату.

Громко тикали на стене часы. Откуда-то из угла слышался храп.

Я присмотрелся и увидел на лавке спящего человека с длинной, вислокоченной бородой и с бляхой на груди.

Рядом стояли шкафы с книгами, а у окна стол с зеленым сукном. На стене висело несколько ружей и кривая турецкая сабля. Я вопросительно посмотрел на Пальку, не зная, что предпринять.

— Кажись, он! — сказал Палька и громко кашлянул.

Человек повернулся на другой бок и опять захрапел.

Я оглянулся к Пальке и тут заметил надпись на двери крупными, печатными буквами:

„КАНЦЕЛЯРИЯ
ЛЕСНИЧЕГО“.

А пониже было прибито гвоздями объявление:

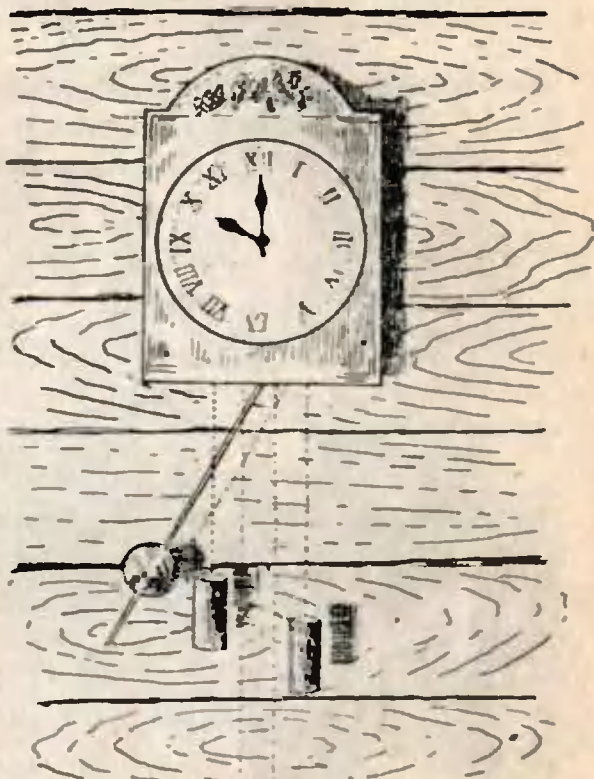
„Курить и плевать на пол строго воспрещается“.

— Наверное у них пороху много, что курить нельзя, — сказал Палька. — Тятка всегда, когда ружье заряжал, пистарку в сторону откладывал.

Вдруг человек разом проснулся и сел на лавку, грузно стукнув сапогами об пол.

Он с удивлением уставился на нас, вытянул из кармана кисет с табаком и закурил короткую трубку.

— Здесь курить нельзя, — сказал я, показывая на дверь.

— Чужим нельзя, — сказал он, сплюнув на пол. — А вам чего тут, собственно, надобно?

— Нам лесничего надо, — сказал я.

— А на что вам его?

— По делу... сказал из-за моей спины Палька.

— Я тут за лесничего. По какому делу? Я старший объездчик.

— Не говори ему... — шепнул мне сзади Палька. — А то он нас надует.

— Нам самого лесничего надо! — сказал я громко.

— Чорт с вами! — выругался объездчик, встал с лавки и постучал кулаком в стену соседней комнаты, громко крикнув:

— Иван Николаевич, к вам тут мальчишки пришли... По делу, говорят!

Где-то слышались шаги.

Напротив нас отворилась дверь и вошел сам лесничий.

На нем были высокие сапоги и тужурка с зелеными кантами.

Он весело оглянул нас с ног до головы.

— Вам что, ребята?

— Мы вам ножки принесли... — сказал я, вежливо смягчая слова.

— А почему? — спросил он.

— Сколько дадите... — отвечал я.

— Недорого отдадим... — добавил сзади Палька. Лесничий приоткрыл дверь в соседнюю комнату и крикнул:

— Федосеюшка! Тут мальчишки пришли, ножки предлагают!

Послышалось грузное шлепание туфель и в канцелярию вошла толстая женщина с чепцом на голове.

Рукава у нее были засучены до локтей.

Руки были в тесте.

Она сердито посмотрела на нас и спросила:

— Ножки-то свежие?

— Совершенно свежие! — подтвердил я.

— Утром отрублены! — добавил Палька.

Женщина крикнула в дверь:
— Анята! Ты где? Принеси, голубушка, весы — в кухне, за дверями висят.

Мы с Палькой — переглянулись. Он усиленно ковырял нос, а я никак не мог понять, зачем понадобились весы.

Через минуту в комнату вошла румяная девочка в белом платье и в туфельках на высоких каблуках.

Она положила весы на стол.

Ласково посмотрела на нас и спросила:

— Ну, мальчуганы, сколько у вас фунтов?

— Ножки совсем легкие... — сказал я, с недоумением оглядываясь на Пальку.

— А какие? — спросила девочка. — Покажите-ка — телячьи или свиные?

— Птичьи! — ответил я, краснея, и вытянул их за веревочку из кармана.

Объездчик захохотал и с лавки свалился.

Лесничий схватился за живот и завыл диким голосом.

Федосеюшка беззвучно колыхалась, а девочка достала платок из-за пояса и утирала слезы от смеха!

Только я с Палькой, красные от стыда, — молчали.

Первым пришел в себя лесничий.

Он взял от меня ноги ястреба.

— Так... — сказал он серьезно, — лапы тетеревятника... да еще, кажется, старого. Много-ж он на своем веку птицы лесной загубил. А, вот, наконец, и сам сложил голову! Кто-ж из вас ухитрился укокошить такую хитрую птицу?

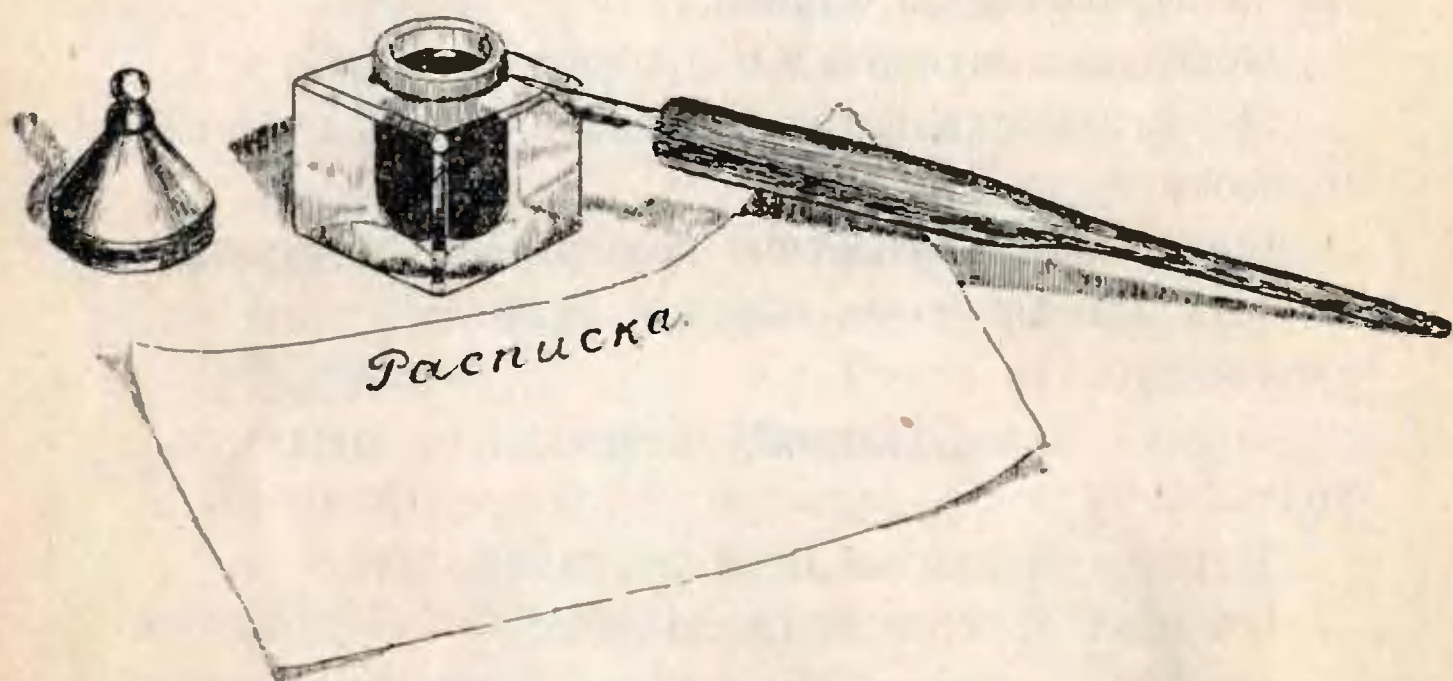
Палька молча кивнул на меня.

— Ишь, какой молодчина! — сказал лесничий, ласково потрепав меня по плечу.

И вдруг опять залился неудержимым смехом.

— Ну, и ребята! — еле выговорил он сквозь смех. — Весь дом на ноги поставили! Сказали бы

сразу, что ястребиные лапы, и делу конец. Теперь бы уж дома были! Ну-ка, Власыч, напиши расписку на пять рублей — для поощрения. Пусть стараются вредную птицу уничтожать в лесничестве! Дай им расписаться, а я сейчас деньги принесу... — И лесничий вышел из канцелярии.

У меня в глазах помутилось от радости и мне казалось даже, что это сон.

Палька толкнул меня в спину. Лицо у него было довольное, и он весело мне подмигивал.

В комнате было тихо. Тикали часы и скрипело перо по бумаге. Объездчик писал расписку.

Вернулся лесничий.

В руке он держал кредитку в пять рублей.

Вдруг объездчик громко хлопнул себя по лбу и бросил перо.

— Иван Николаевич! — обратился он к лесничему. — Ведь они малолетние. Их подпись недействительна.

Лесничий нахмурился.

— Да, это верно, — согласился он.

У Пальки лицо вытянулось.

Он взялся за нос, — и это меня успокоило:

— Теперь что-нибудь да выдумает! — подумал я и не ошибся.

— Мы оба распишемся, — вдруг выпалил Палька. — Ему двенадцать лет, а мне четырнадцать. Всего, значит, двадцать шесть!

У меня разом отлегло от сердца.

— Ловко выдумал! — засмеялся лесничий. Только по закону все равно не годится. Впрочем, кто знает, сколько вам лет? Вали ребята, подписывайтесь!

Мы расписались оба.

— Ну, вот вам деньги, и марш! — скомандовал он весело, вручив мне пять рублей. — Апюта, дай им конфет на дорогу!

Девочка достала из шкафа кулек и всыпала мне в карман две горсти карамели.

— Спасибо! — сказали мы с Палькой в один голос и весело вышли из дома.

Всю дорогу до самого хутора мы ели конфеты, вспоминали наш разговор с лесничим и смеялись.

Когда поравнялись с хутором и Палька соби-
рался со мной расстаться, я остановил его.

— Слушай, Паля, — сказал я — возьми себе
пять рублей. Мне их не надо. Накупи всего,
что нужно для ловли птиц. Если останется
рубель — прихвати гостинцев своим маленьким
братьям и моей сестре.

— Ты взаправду? — спросил он недоверчиво.

— Да, в самом деле. — И я протянул ему
деньги.

— Так ты не врешь? — переспросил он еще раз.

— Нисколько не вру, — сказал я, ударяя себя
в грудь, — истинная правда!

— Ну, спасибо... — сказал Палька, всхлип-
нув носом и отвертываясь в сторону, чтобы я не
видел слез.

Вдруг он обернулся ко мне и, понизив голос,
таинственно спросил.

— Знаешь вырубку у реки?

— Знаю.

— Ну, так вот. Иди через два дня в полдень по лесной дорожке, что на вырубку ведет. В лес никуда не сворачивай. Слышишь?—а то на сторожок нарвешься! Когда раздастся свисток — иди в лес. Я тебя ждать буду. Понял?

— Понял!

— Пока прощай! — сказал он и мы разошлись. Я на дядин хутор, а он к себе на насеку.

СТОРОЖОК. Тайнственное предложение Пальки встретиться в лесу через два дня меня очень заинтересовало.

От нетерпения я не мог найти себе места и первый день с утра до вечера слонялся по комнатам — всем надоедал и мешал заниматься делом.

На второй день я проснулся очень рано и каждые десять минут бегал в столовую — смотреть на часы.

Чтоб как-нибудь убить время, я несколько раз принимался чистить ружье.

Пересматривал мешок с сухарями и хлебом.

Раза три точил финский нож.

Но ничего не помогало, и часовая стрелка по-прежнему ползла очень медленно.

Было еще только девять часов утра.

От нетерпения я надел на себя всю мою амуницию.

Не дождавшись десяти — взял монтекристо и вышел на двор.

Я скоро нашел лесную дорогу и пошел по ней, припоминая Палькины слова.

— Никуда с дороги не сворачивай, а жди свистка.

— Что еще за сторожок там! — думал я. — Что по лесу ходить нельзя? Может быть, сторож? Чего же мне его бояться... тут ведь не городской сад!

Я, не торопясь, шел по дороге и прислушивался.

Пробовал несколько раз свистать, но никто не отзывался.

Наконец, принялся кричать, но ответа попрежнему не было.

Я посмотрел на солнце и решил, что полдень уже давно прошел.

— Наверное Палька меня обманул, чтоб потом посмеяться.

Мне надоело ждать.

— Пойду ка я сам к нему на пасеку и посмотрю, что он там делает?

До пасеки было версты две.

Чтоб сократить путь, я пошел напрямик по лесу. Чаща кругом была непролазная и идти приходилось очень медленно.

Вскоре мне попалась едва заметная тропинка, и я пошел по ней, спотыкаясь на каждом шагу о корни и кучи хвороста.

С каждым шагом заросли становились все гуще и гуще.

Наконец тропу загородила поваленная ель.

Я исколол себе хвоей руки и лицо, а пролезть сквозь ее густые ветви мне не удалось.

Пришлось идти в обход.

С трудом добрался до пня, где ель была кем-то на половину подрублена и повалена.

Около пня виднелась тропинка, а за ней было свалено другое дерево.

Я сел отдохнуть около пня и заметил на его шершавой коре клочок шерсти.

Взял несколько волосков и принялся их рассматривать.

Корни у них были светлые, а концы темно-серые.

Длина — не больше вершка.

— Овечьи — решил я. — Тут близко до вырубki, где Палькины братья стадо пасут... Я сдунул волоски с ладони и увидел на сырой земле след какого-то зверя.

След был неясный и походил на собачий, но только размерами был куда крупнее...

— Волк! — вдруг догадался я и схватил монтекристо.

Вокруг пня было много таких же следов.

В одном месте листик травы был прижат ногой зверя к земле.

Он не успел еще как следует выпрямиться.

— Утром волк был здесь! — решил я. — И теперь где-нибудь тут недалеко!

Я быстро зашагал вдоль тропинки, боязливо озираясь по сторонам.

Едва сделал пять шагов, — в лесу что-то хлестнуло, как кнутом.

Просвистело в воздухе и ткнуло мне в спину.
В ужасе я рванулся вперед.

Зацепился за пенёк и с размаху треснулся головой о дерево.

В глазах потемнело.

Подогнулись колени, и я покатился на землю без чувств...

.....
Долго ли я так лежал — не знаю.

Я услышал вдали лай собаки. Затем глухой топот ног, треск сучьев и крики.

— У-лю-лю! Держи его, Пират! Хватай!

Собака разом стихла. Зашуршала рядом трава, и мне в щеку ткнулось что-то мокрое и холодное.

Я открыл глаза.

Мохнатая собаченка обнюхивала мне лицо.

Рядом кто-то вскрикнул, и надо мной появилось бледное лицо Пальки.

— Мертвый! — испуганно прошептал он и отшатнулся.

Ко мне медленно возвращалось сознание. —

Меня волк съел! — прошептал я.

— Живой! — радостно вскрикнул Палька. — Напугал же ты меня, ух как!

— Волк в спину вцепился! — твердил я свое.

— Обожди! — крикнул Палька и куда-то убежал.

Он вернулся с шапкой, полной воды, и вылил ее мне на голову.

Холодная вода разом привела меня в чувство.

— Так это не волк? — удивился я.

— Нет, сторожок. Не дождался меня — вот и нарвался. Пират бежал по следу волка, который

был здесь утром, а попался ты. Глянь на свой мешок!—

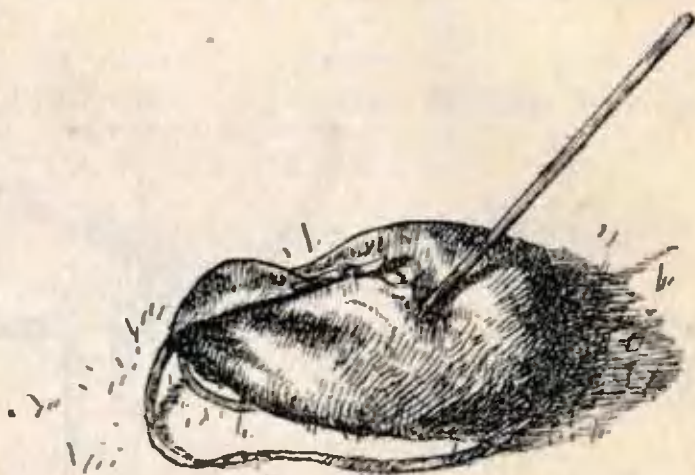
Палька помог мне встать на ноги и снять мешок.

Из него торчал конец глубоко впившейся стрелы.

Я выдернул ее с большим трудом.

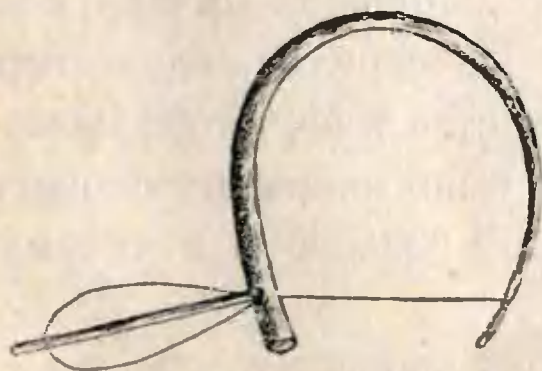
На кончик стрелы был железный с зазубринами.

— Кто же выстрелил?—Спросил я, с любопытством озираясь по сторонам.

Палька молча повел меня в самую гущину ветвей срубленной ели.

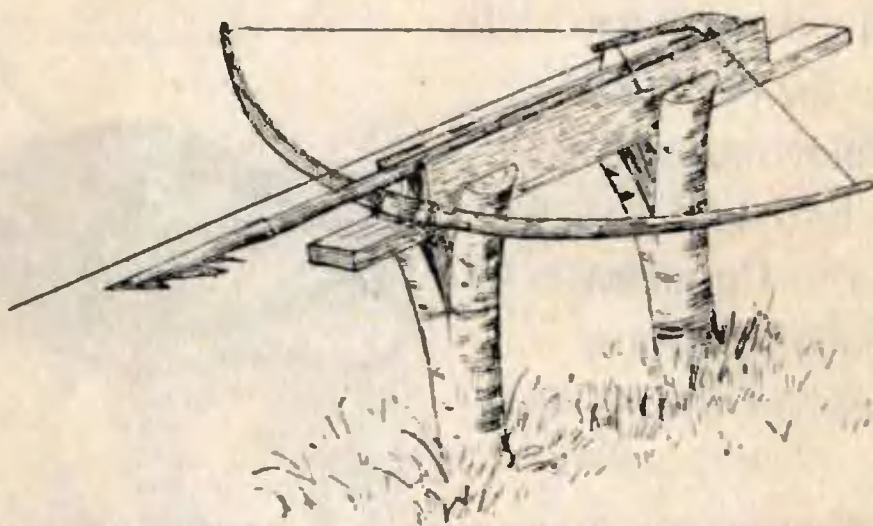
Там был искусно спрятан в ветвях большой самострел, укрепленный на двух кольях, вбитых в землю.

От него тянулся поперек тропинки длинный шнурок, сплетенный из конского волоса.

— Теперь понимаю!—сказал я, рассматривая сторожок со всех сторон.—Он выстрелил в меня, когда я задел шнурок, но почему стрела не попала в меня, а в мешок?

— На разного зверя сторожок ставится по разному. Он был поставлен „глухо“ на волка. Волк прет напрямик и грудью прочищает себе дорогу среди кустов. А вот лисица — другое дело.

Она бежит осторожно. Чуть на что наткнется — сейчас же назад отступит. Сторожок на нее ставится „чутко“, чтоб сразу же стрелял, едва зверь шнурка коснется. Вот и счастье твое, что сторожок на волка был поставлен. Ты успел вперед проскочить, пока сторожок выстрелил. Стрела-то и ударила в мешок.

— Хорошо, что здесь лисицы не водятся, — сказал я в раздумьи. — А то худо бы мне пришлось! Палька засмеялся.

— Лисицы есть, да летом проку с них мало, — ливняют. Вот волка бы хорошо было ухлопать.

На прошлой неделе овцу зарезал, окаанный... я и поставил в разных местах сторожки...

Пока мы разговаривали, Палька натянул лук, поправил шнурок и заложил стрелу в желоб самострела.

— Готово, — сказал он. — Теперь пусть только волк сунется — так его и шарахнет!

— Смотри, чтоб человека не шарахнуло! — ответил я.

— Нет. Сюда никто не ходит — место глухое.

— А если твоя же корова забредет случайно?

— Не бойся, этого не случится. На то и пастухи, чтоб смотреть... За скотом глядеть... Идем.

КЛЯТВЫ И ТАЙНИК.

Рассуждения Пальки меня мало успокоили. Я шел следом за ним с опаской, озираясь на каждый куст.

Он это заметил и засмеялся: — Привыкнешь! Места будешь знать — ночью пройдешь!

Некоторое время мы шли молча.

Собака шныряла впереди нас по зарослям.

Неожиданно Палька остановился и, приложив палец к губам, прошептал:

— Пришли!

— Куда? — спросил я, с любопытством оглядываясь.

Кругом была чаща, и ничего не было видно. Тропа спускалась в овраг, откуда слышался плеск ручья.

— Это секрет... — сказал он. — Никто, кроме меня, не знает тайны старой ивы. Там спрятаны все мои птицеловные снасти...

— Показывай скорее, где... — упрашивал я нетерпеливо.

Палька недоверчиво оглянул меня с ног до головы.

— А поклянись, что никому не скажешь! — сказал он.

Его недоверие меня очень обидело, и я решил поклясться как следует. Мне приходилось читать где-то, что клятвы произносятся над скрещенными кинжалами.

— Послушай-ка, — сказал я ему. — Для клятвы нужны два кинжала. У меня есть финский нож. Нет-ли у тебя второго?

Палька порылся за пазухой и вытащил кухонный нож.

— Этот годится? — спросил он.

— Только кур резать! — сказал я презрительно. — А не для клятвы!

— Другого нет! — обидчиво проворчал Палька и засунул его за пояс.

— Ладно! Обойдусь и финским, — сказал я, залезая перед Палькой на высокий пенёк.

В правую руку взял монтекристо, а другой выдернул из ножен финский ножик.

Палька серьезно смотрел на мои приготовления и даже шапку снял.

С минуту я поглядывал то на него, то на солнце и собирался с мыслями.

Затем торжественно произнес, потрясая в воздухе оружием:

Клянусь я дулом монтекристо.

И сталью финского ножа,

Клянусь, что сердцем буду чистый,

И верным другом для тебя!

— Здорово! — крикнул Палька, нахлобучив шапку. — Прямо, как Пушки!

— Какая Пушки? — удивился я.

Он презрительно развел руками.

— Еще городской, а Пушки не знает! Это, брат ты мой, самый главный командир писательский.

Я чуть с пня не свалился от смеха.

— Чего ржешь? — обиделся он.

— Да не Пушки, а Пушкин! — поправил я Пальку. — Это поэт был, стихи писал.

— Во, во, он самый! У тятки книжка была с его портретом. Курчавый такой, в пиджаке. Сидит и бумагу пишет!

Польщенный, я спрятал ножик и спрыгнул с пня.
— Теперь ты поклянись!—предложил я Пальке.

— Нет... я не могу... у меня и орудиев-то нет никаких!—отказывался он, а я упорно стоял на своем и уговаривал:

— Поклянись хоть кухонным ножом — это ведь тоже оружие! Сойдет!

— Ладно! — наконец, согласился он. — Дай подумать. И взялся за нос.

— Теперь выдумает! — решил я про себя и отошел в сторону, чтоб не мешать.

Он долго думал и вдруг вскочил на пень.

— Слушай скорей! — закричал он. — А то позабуду... Как это?..

— Клянусь... Клянусь... Обожди, что-то перепутал, а было очень складно...

... Да! вот как:

Клянусь я кухонным ножом,

Клянусь его тупым концом,

Разрази меня гром...

Тут Цалька зашнулся, растерянно посмотрел на меня и добавил:

— Ты побей меня ведром!

— Дальше не помню как! — сказал он сконфуженно и слез с пня.

— Недурно, — похвалил я его. — Только жалко, что конца нет и за что тебя ведром бить не понимаю?!

— Как за что? — удивился он. — Если клятвы не сдержу, — вот и побейшь! Ну, теперь идем...

Мы спустились вглубь оврага. Около ручья тропинка вдруг исчезла.

На другой стороне ее тоже не было видно.

— Теперь прыгай за мной! — Палька скокнул на камень, торчавший из воды посреди ручья.

С этого камня перепрыгнул на следующий и началась скачка с препятствиями.

Впереди, загнув хвост крючком, прыгал Пират, потом Палька, я за ним.

Берега густо поросли кустарником. Другого прохода вдоль ручья не было.

— Теперь сюда! — И Палька прыгнул с камня на противоположный берег.

Там, среди зарослей, оказалось продолжение тропинки.

Сделав по ней шагов двадцать, мы вышли на поляну среди чащи.

Посреди поляны росла старая ива. Таких толстых деревьев я еще ни разу не видел.

— Вот мой тайник! — сказал Палька.

Я обошел вокруг дерева и нигде ничего не заметил.

Палька ухватился за корявый выступ в коре и дернул.

Как дверь, откинулся пласт коры и открыл темный вход в дупло.

— Садись и отдыхай! — предложил мне Палька и вошел в дупло, как в комнату.

Я шагнул следом за ним и уселся на обрубок дерева, валявшийся на земляном полу.

Я не мог сказать слова от изумления и только озирался по сторонам.

В дупле было довольно просторно и сухо.

Стенки были сплошь увешены связками прутьев, веревок и пучками конских волос.

Несколько разобранных самострелов стояли вдоль стены.

Между ними завелась паутина. Из глиняного горшка, врытого около стены, торчали штук десять стрел с наконечниками.

Тут же свешивалась веревочная лестница.

— Там что? — спросил я, показывая наверх.

— Обожди, узнаешь! — Он проворно полез по лестнице и скоро скрылся в темноте.

Минуты через две к моим ногам опустилась на веревке целая связка птичьих клеток.

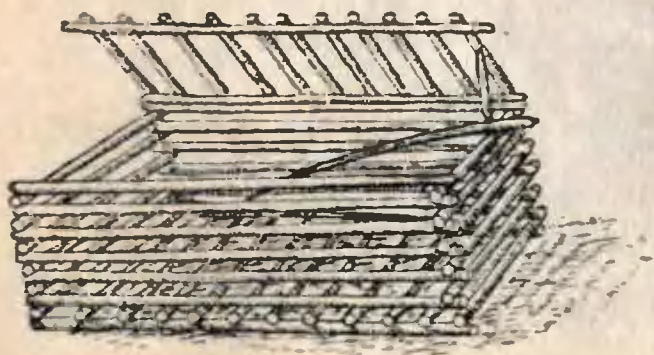
— Это ты столько за два дня наработал? — крикнул я ему вверх.

— Нет, уж давно справлял, — раздался у меня за спиной его голос.

Я оглянулся: — Палька стоял у двери, как ни в чем не бывало.

— Ты откуда взялся?

— У меня тут везде ходы! — объяснял Палька.

Я поднялся наверх, через боковую дыру вылез и спустился снаружи к дверям.

— Ловко! А зачем столько клеток?

— Это не клетки, а западни, — объяснял мне Палька, развешивая их по стенкам дупла на гвоздики. — Вот смотри: у каждой западни сверху есть крышка. Чтоб западню насторожить — надо при-

поднять крышку и подпереть колышком, а под колышек вставить жердочку с приманкой. Вот так...

Он быстро проделал это у меня на глазах и вставил жердочку с мертвой пчелой на конце.

Конец жердочки с приманкой как раз оказался в середине западни.

— Едва ли птица попадется, — усумнился я.

— А попробуй достать пчелу, увидишь!

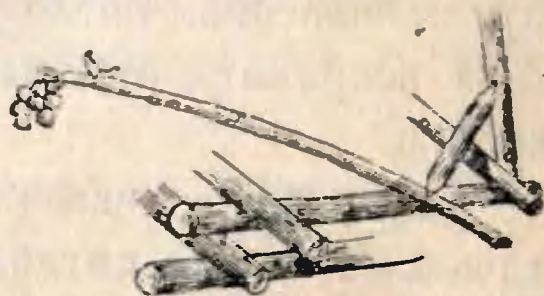
Я засучил рукав до локтя, чтоб не задеть случайно крышку и осторожно просунул руку внутрь.

Чуть только коснулся пчелы, жердочка покачнулась, колышек выскочил, крышка упала и ударила меня по руке.

Палька засмеялся: — Вот и птицу также захлопнет, — сказал он.

— Хитро придумано! — удивился я, приподнимая крышку и вытаскивая руку из западни, а Палька продолжал объяснять и показывать.

— Вот силки-самоловы; их у меня полсотни. — Он достал из связки, висевшей на стене, прутик из можжевельника, похожий на хлыст.

— Видишь зарубку на толстом конце и около нее дырку?

— Вижу.

— А петлю из конского волоса с узелком в середине, что на тонком конце привязана?

— Вижу, вижу!

— Ну, теперь гляди...

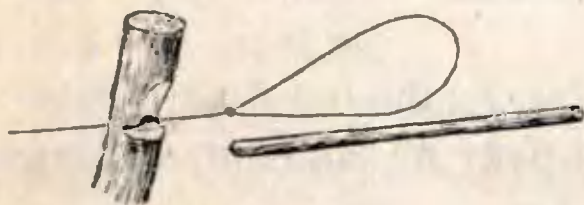
Палька согнул прутик колесом и продел петлю сквозь дырку. Чтоб петля не выскочила назад, он приставил около узелка длинную жердочку и расправил на ней петлю.

— Готово! — сказал он. — Пусть только сядет птица на жердочку — петля схватит ее за ноги.

— Врешь! Птица успеет улететь!

— А попробуй! — сказал он насмешливо.

Я осторожно тронул пальцем середину жердочки,

и не успел отдернуть руку. Выскочила жердочка. Со свистом, как пружина, выпрямился

прут и волосяная петля разом схватила два пальца.

Я вскрикнул от неожиданности, а Палька засмеялся.

— Здорово! — сказал я, с трудом освобождая пальцы, стянутые петлей. — А это что такое? — И взял длинный прут из связки, стоявшей около стены.

Едва прикоснулся, — как прут крепко прилип к пальцам.

Я с отвращением оторвал его, но он сейчас-же прилип к другой руке.

Я наступил ногой на хворостину и отнял руки, но она прочно прилипла к подметке и не отваливалась.

Тут Палька не выдержал и рассмеялся.

— Что за дрянь такая! — закричал я, отчаянно дрыгая ногой, чтоб избавиться от липкого прута.

Палька взял его за конец и потянул.

— Мой сапог! — заорал я, но было поздно. Прут щелкнул и оторвался с кусочком стертой подметки.

— Он птичьим клеем намазан! — сквозь смех объяснил Палька. — А клей вываривается из льняного масла. Как ты, так и птица прилипать будут! Я целый горшок клею заготовил...

— Ну, а ты еще что-то про сети говорил? — спросил я, вытирая липкие руки песком.

— Их братья плетут. Они будут завтра готовы. Зеленых ниток я купил на три рубля... На рубль льняного масла и еще на рубль гостинцев. Вот они... — Палька снял с гвоздика кулек с конфетами и передал мне.

— Спасибо, отсыпь себе половину, а другую я домой снесу — девочкам.

— Теперь за дело! — сказал Палька. — Нам сегодня много работы.

— Что-же делать? — удивился я. — Пойдем скорее птиц ловить.

Он засмеялся.

— До ловли еще далеко! Надо сначала птичий точек приготовить, чтоб было где завтра сеть поставить. Потом двадцать западней расставить, полсотни силков и сотню прутиков с клеем... на все надо место найти... работы много!

Он достал пару лопат, засунул за пояс топор и взвалил на спину десяток клеток-западней, связанных вместе.

Я сделал то же самое. Скинул охотничий мешок, забрал западни и связку силков-самоловов. При себе оставил сумку, нож и монтекристо.

Нагруженные птицеловными снастями, мы вышли из дупла и спустились по тропе к ручью.

С риском поскользнуться и упасть в воду, мы добрались по камням до продолжения тропы.

— Сворачивай сюда! — сказал Палька. — Мы пойдем вдоль оврага прямо на вырубку. До нее тут близехонько.

Он повел меня по дороге, густо заросшей травой.

Палька шел так быстро, что я едва за ним поспевал.

Вскоре лес кончился и мы вышли на опушку у самого ручья. Дальше виднелась вырубка.

Множество пней от спиленных деревьев и кучи бурелома преградили нам путь.

— Стой! — скомандовал Палька. — Снимай с себя все и отдыхай. Тут мы устроим птичий точек. По утрам здесь много птицы бывает!

— А что за точек такой? — спросил я, садясь рядом с ним.

— Это ровное место на земле, где сеть ставится. Такую площадку мы устроим у ручья и покроем

ее дерном. Насыплем всяких семян для приманки птиц, а завтра поставим сеть и будем крыть ею все, что попадется. Кроме сети, мы расставим на опушке леса западни, силки и прутья с клеем.

— А как же мы их потом найдем в лесу? — спросил я.

— Очень просто. У каждого будет своя тропа. Утром мы будем обходить их и осматривать. Твоя тропа пойдет на восход, вдоль опушки леса, а моя на закат. Сегодня мы расставим на них снасти, а завтра утром каждый пойдет на свою тропу с мешком для птиц. Место сбора будет здесь, у ручья. Теперь за работу!

Мы забрали лопаты и пошли к ручью.

— Славное место!—сказал Палька, оглядываясь кругом и вымеривая на земле квадрат в полторы сажени.

Я тем временем осматривался по сторонам.

Из тенистого леса с шумом бежал по камням ручей.

Деревья разных пород словно собрались на совещание. Тут были белоствольные березы, липа, рябина с ярко-красными гроздьями ягод, гибкая лоза, темно-зеленая ель, даже сосна.

Кое-где высились толстые осины.

Ольхи были целые заросли.

В них шныряли птицы и пересвистывались на все голоса.

— Как тут хорошо!—шептал я.

— За лопаты!—скомандовал Палька, и мы принялись усердно расчищать и выравнивать землю посреди небольшой лужайки.

Работа кипела. Пот градом катился с наших лиц. Без отдыха мы работали целый час и наконец площадка была готова.

Обложили ее дерном и коротко подрезали на нем траву.

Палька достал из кармана несколько горстей овса, конопли, пшена и гороха. Посыпал их на точки.

— Теперь идем западни ставить! Пожалуй, к вечеру не управимся, — сказал он озабоченно. — Сначала пойдем на твою тропу. Я тебе покажу, как западни и силки ставятся. У себя я один управляюсь.

Мы пошли вдоль опушки леса на восток, забрав половину снастей. Другую оставили у ручья для Пальки.

— Когда поставим что-нибудь, — сказал он, — я счищу на дереве кору, чтоб место потом найти не трудно было...

— А я надписью сделаю карандашем, — добавил я, — чтоб помнить сколько силков поставлено.

— Ладно, — согласился он — это будет очень удобно, хотя и без того не трудно будет запомнить где, чего и сколько поставлено!

В этот момент у нас над головами с шумом слетела большая стая дроздов и пересела вглубь леса.

— Здесь и поставим западни! — сказал Палька, скидывая снасти на землю и собираясь лезть на рябину, где сидели птицы.

— Ты куда? — удивился я.

— Увидишь сейчас! — сказал он, забрался на дерево, нарвал несколько кистей ярко-красных ягод и бросил их на землю.

Достал из кармана моток бечевки.

Нарезал десять кусков, каждый сажени по три длиной, и перекинул их через сучки так, чтобы концы свешивались до земли.

После этого слез с рябины и к каждому из концов бечевки привязал по западне.

Приподнял крышки на подпорки, а к жердочкам

привязал по пучку ягод и одному большому червю-хрущу для приманки.

Червей у него было с сотню в жестяной коробочке.

За свободные концы бечевки он вздернул западни вверх в самую гущину листвы. Чтоб западни не упали, он привязал концы бечевки к сучьям. Сделал зарубку на стволе рябины, а я написал на ней синим карандашом: „Десять западней“.

— Часть дела сделана, — сказал он. — Осталось силки поставить и прутики с клеем. Идем!

Не прошли мы и ста шагов, как из травы выпорхнули с писком и свистом стайки мелких птиц.

Они расселись в ближайших кустах.

Давай силки ставить,—сказал Палька и достал из-за пазухи ножик.

Я внимательно следил за его работой.

Он вырезал в кустах три прутика.

Один в полтора аршина, другой в аршин, третий совсем маленький, в виде крючка.

Затем мы вернулись на луг.

Он согнул длинный прутик дугой и воткнул концами в землю.

Повесил на дугу силок и натянул петлю. Вста-

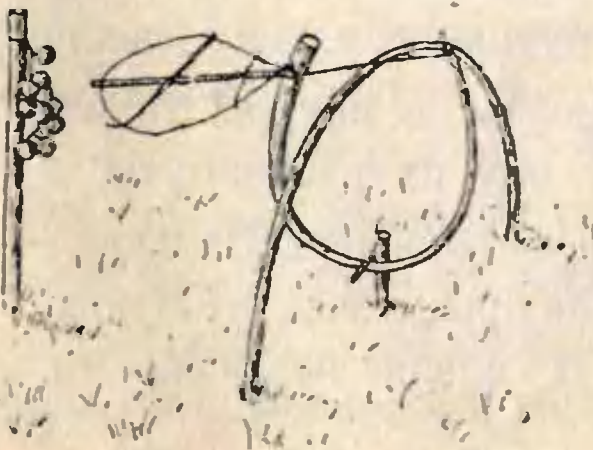
вил жердочку около узелка, чтоб силок сам не спустился.

Рядом воткнул в землю аршинный колышек и привязал к нему

ягоды рябины и червяка.

— А маленький колышек зачем? спросил я.

— Чтоб силок ветром не качало, а то птиц пугать будет, да и петля может сама спуститься.

Он зацепил крючком прутик силка и воткнул его в землю.

Чтоб волосяная петля не обвисла на жердочке, он подложил под нее травинку.

— Как же птица попадется? — спросил я.

— Она сядет на жердочку, чтобы поклевать приманку. Жердочка упадет, а петля схватит птицу за ноги!

Я с рвением взялся устанавливать силки и дело подвигалось быстро.

Часть силков мы поставили так, чтобы они ловили птиц, бегающих по земле.

Часа через два все двадцать пять силков были нами расставлены на лугу.

— Готово! — сказал Палька с облегчением и посмотрел на солнце. — Уже семь часов. Идем скорей в кусты — прутики с клеем раскладывать.

Они были завернуты в мокрый холст, чтобы не липли. Я помог ему их развернуть.

— Бери вот так, — объяснял Палька. — За самые кончики. Они не проклеены, чтоб можно было в руки брать... И клади невысоко от земли, между ветками.

Долго мы возились с ним в кустах и, наконец, уложили полсотни прутиков.

Он очистил на сосне кору, а я записал двадцать пять силков и прутики.

— Уф, как умаялся! — С облегчением вздохнул Палька и лег на мягкую траву. — Ну как? Завтра сам места найдешь?

— Найду... — ответил я, оглядываясь. — Вон там, кажется, и дорога виднеется, на которой я тебя утром ждал?

— Она самая! — подтвердил он. — Ты сейчас по ней домой пойдешь. Не забудь завтра мешок из дому прихватить для птиц — твой в дупле остался! Пока прощай. Надо скорей идти на мою тропу снасти ставить, а то солнце зайдет, и стемнеет.

Мы расстались. Палька зашагал к ручью, а я по дороге к дому.

НА ТРОПЕ. Утром я проснулся рано. Наскоро выпил чай взял монтеристо, мешок для птиц и пошел на вырубку.

Солнце только-что вышло из-за леса.

В воздухе еще посидел туман.

В лесу было мокро от росы и холодно.

Я шел быстро, чтоб согреться.

Вскоре показалась рубка и кусты, где были расставлены прутья с клеем.

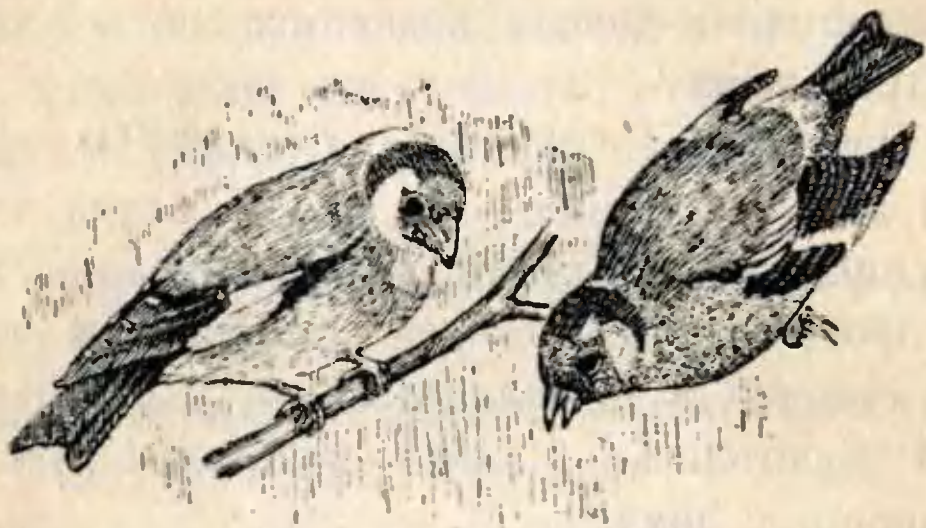
Я принялся осматривать их один за другим.

Проверил почти все прутья, но нигде ничего не попалось.

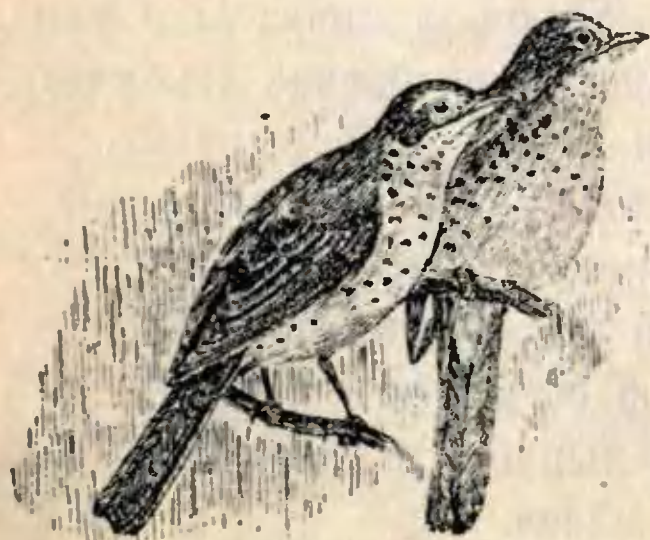
На последних, однако, я увидел птиц.

Птицы бились, стараясь освободиться от липкого клея. Желтые и красные перья сверкали в лучах утреннего солнца.

Я подбежал и осторожно снял птиц с прутьев.

Это были два щегла с желтыми перьями на крыльях и снегирь с ярко красной грудью.

Посадил их в мешок и пошел осматривать силки-самоловы.

Еще издали заметил, как что-то пестрое запрыгало и зашуршало в траве. Я бросился туда. Три

дрозда попались лапами в силки. Они рвались и метались в траве во все стороны, но улететь не могли. Силки крепко держали их за ноги.

Живо поймал дроздов и снял петли с ног. Один изловчился и так щипнул меня за палец, что я чуть было его не выпустил!

Завязал мешок и принялся распутывать и расставлять силки.

— Тук... тук... тук... — Застучало что-то у меня над головой.

Я оглянулся. Пара пестрых дятлов уселись на сухом дереве и долбили клювами кору. Звонко отдавался их стук в лесу.

— Вот-бы поймать! — подумал я и полез на дерево, захватив пять силков.

Дятлы улетели, а я привязал силки к стволу в разных

местах и спустился.

— Теперь все в порядке! — решил я. — Надо только сосчитать силки.

Раза три пересчитывал, а все выходило двадцать четыре — одного не хватало.

— Вчера обсчитались! — подумал я, забрал монтекристо, мешок с живой добычей и пошел проверять западни.

Вдруг из кустов, фыркнув крыльями, вылетела рыжая птица.

На ноге у нее болтался силок с прутиком. Я бросился за ней вдогонку.

Прут зацепился за куст и птица, хлопая крыльями, забилась в воздухе.

Я бросил на землю ружье и с размаху спал беглеца.

Это оказался лесной кулик — вальдшнеп. Он был поменьше голубя, с тонким и длинным клювом.

Большие бархатно-черные глаза с тоской смотрели на меня.

Они были влажные, и мне казалось, что вот-вот с них скатится слеза...

Мне стало жалко вальдшнепа, и я раздумывал — выпустить его или нет?

— Пусть Палька рассудит, — решил я и посадил кулика в мешок.

До рябины, где висели западни, было недалеко.

Минуты через две я стоял под ней и всматривался в ветви.

В четырех западнях прыгали какие-то птицы, и я спустил западни на землю.

Из двух достал пару дроздов. В других попались два красавца клеста.

Долго рассматривал их скрещенные клювы и любовался золотисто-пунцовыми перьями. Наконец, бережно пересадил в мешок.

— Точно попугаи! — подумал я и принялся налаживать западни и поднимать их наверх.

Покончив с этим, быстро зашагал к ручью.

Из кустов мне на встречу с радостным лаем выскочил Пират.

У ручья тонкой синей струйкой вился дым.

Это Палька развел костер и кипятил чайник.

— Здравствуй! — крикнул он мне издали. — Попалось что-нибудь?

— Одиннадцать штук! А у тебя?

— У меня только восемь: пять дроздов да три снегиря. Вот клетка большая—высаживай, посмотрим.

Я посадил сначала дроздов, затем щеглов со снегирем. Каждую птицу Палька приветствовал радостными восклицаниями.

Когда же я выпустил в клетку пару клестов — он заплясал от восторга.

— Подожди. — сказал я — у меня тут еще что-то есть! — И выпустил вальдшнепа. Он быстро побежал по дну клетки и забился в темный угол.

Палька вытаращил глаза от изумления. — Это что за бес! — крикнул он, соорудив испуганную рожу.

— Это вальдшнеп или лесной кулик. Наполовину ночная птица... — объяснял я. — Мне хотелось его выпустить, да оставил до тебя...

— Что ты, Димка! Эдакое чудо выпустить! — закричал он на меня. — Да за него хорошие деньги дадут!

— А мне его жалко стало... — оправдывался я. — Смотри, он словно плачет...

— С твоей жалостью в трубу пролетим, прогорим и проторгуемся! — засмеялся Палька, рассматривая кулика.

— Ладно, оставим! — нехотя согласился я. — Давай-ка чай пить... И мы принялись с аппетитом закусывать.

— Потарапливайся! — сказал Палька, затапывая костер и засовывая краюху хлеба за пазуху. —

Сеть уже на точек поставлена. Идем скорее, пока утро, а днем плохая будет ловля...

Не дойдя до точка шагов тридцати, он залез в куст; я за ним. Пират послушно улегся между нами.

Из куста тянулась бечевка до самого точка. Там она была привязана к камешку, на который упирался остов из прутьев, обтянутый зеленой сеткой.

Стоит дернуть шнурок, и сетка покроет птиц, пожелавших полакомиться на даровщинку...

— Смотри!—прошептал я.—Там птица прыгает.

Он засмеялся: — Это чижик! Я его из дома принес и привязал за лапу, чтоб не улетел. Глядя на него, другие птицы будут подсаживаться...

Ждать пришлось недолго.

Над нами с гамом пролетела стая черных птиц с желтыми клювами и расселась в кустах около сети. Несколько птиц спрыгнули на землю и принялись ловить в траве мух и жуков.

— Скворцы!—прошептал я.

Палька в ответ только головой кивнул. Он внимательно следил за птицами.

Вот пара села на точек и, боязливо оглядываясь, принялись клевать зерно.

— Дергай! — с волнением прошептал я.

Но Палька медлил.

— Обожди, — скалал он едва слышно. — Пусть их побольше наберется.

Птицы осмелели и еще три штуки разом, впорхнули прямо под сеть.

— Что-же ты? — взмолился я. — Улетят!

— Р а н о еще... — сказал он, берясь за шнурок.

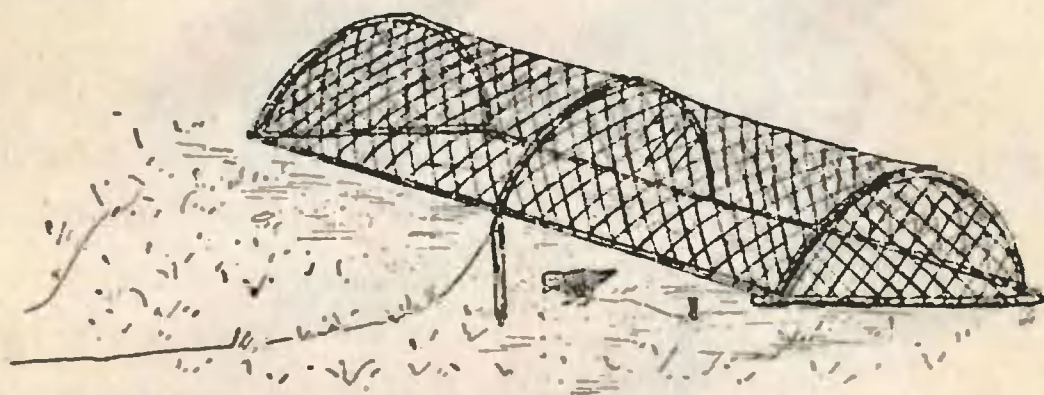
— Уж восемь! — про-

хришел я сдавленным голосом.

— Успеется... — прошептал Палька.

— Скупают все и улетят! — простонал я в отчаянии. — Десяток... больше... дергай же!

— Еще немного... — процедил Палька, наматывая конец шнурка на палец. Руки у него дрожали.

Скворцов набралось под сеть десятка два. Они пищали, ссорились и дрались из-за корма. Со стороны прибывали все новые и садились им на спины...

От волнения у меня пот выступил на лбу... Я не сводил глаз с шумной стаи. Сердце колотилось в груди... язык словно отнялся... Я не мог выговорить слова...

Вдруг Палька дернул, и сетка накрыла кучу скворцов. Какой переполох поднялся у них!

Мы бросились к точке. С лаем мчался за нами Пират. Я споткнулся и разбил себе нос. Вскочил и опять побежал.

Палька был уже около точки.

Вынимал скворцов через небольшое отверстие в сетке и пересаживал в клетку.

— Двадцать четыре! — сказал он весело, вынимая последнего скворца: — Целое состояние!

— Зато и извел же ты меня! — сказал я, потирая нос.

— Здорово верескнулся! — засмеялся он. — Нос-то очень болит?

— Совсем пустяки. Идем скорее опять караулить!

Палька приподнял сеть, подпер ее колышками и подсыпал корма на точок. Чиж, как ни в чем не бывало, весело прыгал под сеткой. Он был привязан на длинную веревочку.

Мы опять спрятались в куст.

На этот раз ждать пришлось долго. Мимо пролетали птицы, но на точек не садились.

Мне уже надоело ждать, когда из-за деревьев вылетела стайка мелких птиц.

Они рассыпались по кустам около точка. Шныряли между ветками с мышиным проворством и ловко, как акробаты, лазали вниз головой. Мелькали серые спины, черные шапки на головах и белые перья на груди...

— Пухляки... — прошептал Палька. — По пять копеек пойдут!

Вот один храбро шмыгнул на ток к чижику в компанию и проворно запрыгал, собирая корм.

Я молча ждал, когда заберется их побольше.

Из куста выпорхнула птица с желтым пером на крыле, красной шапкой и юркнула на ток. За ней вторая... третья, а потом разом штуки четыре.

Палька дернул шнурок — пять щеглов и три пухляка забились под сеткой.

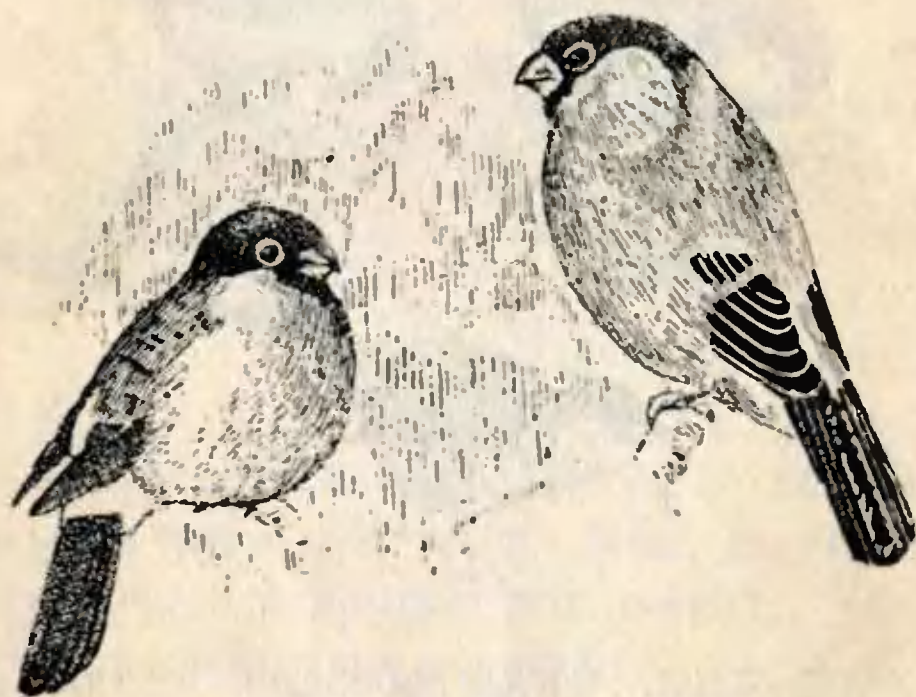
Мы, не спеша, подошли к току и пересадили их в клетку.

— Уже тесно в клетке-то! — заметил Палька. — Завтра надо на базар ехать!

Наладив сеть, мы опять забрались в засаду. Сидели целый час, но птицы не прилетали.

— День в разгаре... — сказал Палька. — Надо бы ловлю кончать и убирать сеть!

Он уже встал, как вдруг стая снегирей красным дождем спустилась в кусты.

Шум, свист, суетня начались между ними. Мы так и присели от неожиданности.

Скоро на ток набилось их с дюжину. Они принялись за коноплю.

Только и слышны были треск и щелканье скорлупы...

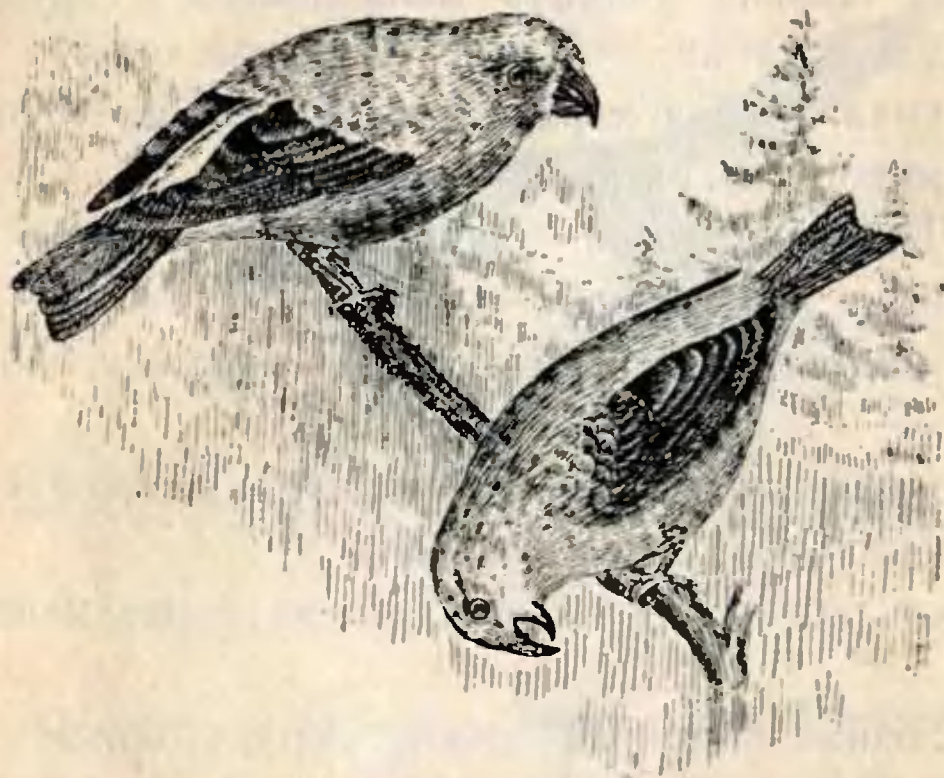
Палька дернул. С шумом поднялась стая и улетела в лес.

С десятков снегирей порхало под сетью.

— Два клеста попались! — радостно крикнул Палька, подбегая к току.

Я пересадил птиц в клетку.

— Хватит на сегодня! — сказал Палька, собираясь убирать сеть.

— Подождем еще, — упрямивал я.

— Некуда садить больше! — озабоченно говорил он, и был прав: в клетке было тесно.

— Ну, еще чуточку — сказал я.

Ему самому хотелось половить и он, наконец, согласился. Мы опять забрались в засаду.

Палька достал хлеб, посолил его и отломил мне большую краюшку.

Я оторвал подгоревшую корку и бросил ее Пирату.

Он ловко подхватил ее налету, улегся на лужайке шагах в двадцати от нас и принялся грызть.

Мы сильно проголодались и тоже уплетали хлеб за обе щеки.

Вдруг Цалька толкнул меня локтем и приложил палец к губам: — Тише! — сказал он.

Я сунул хлеб в карман и оглянулся на точок, но там никого не было.

— Что случилось? — спросил я шепотом и тут заметил двух сорок.

Они слетели с дерева и сели на лужайку около Пирата.

Одна из них храбро подпрыгнула к самой его морде и клюнула кончик корки.

Пират рывкнул на нее и зажал корку между лапами.

Приподняв длинный хвост, сорока боком отпрыгнула в сторону.

Уж очень ей хотелось раздобыть вкусную корку!

Поцыталась клюнуть второй раз и чуть не поплатилась жизнью — так и щелкнули зубы Пирата у нее над головой!

Еще бы чуточку — пропала сорока!

Она вспорхнула и села на лугу, на большом расстоянии от собаки.

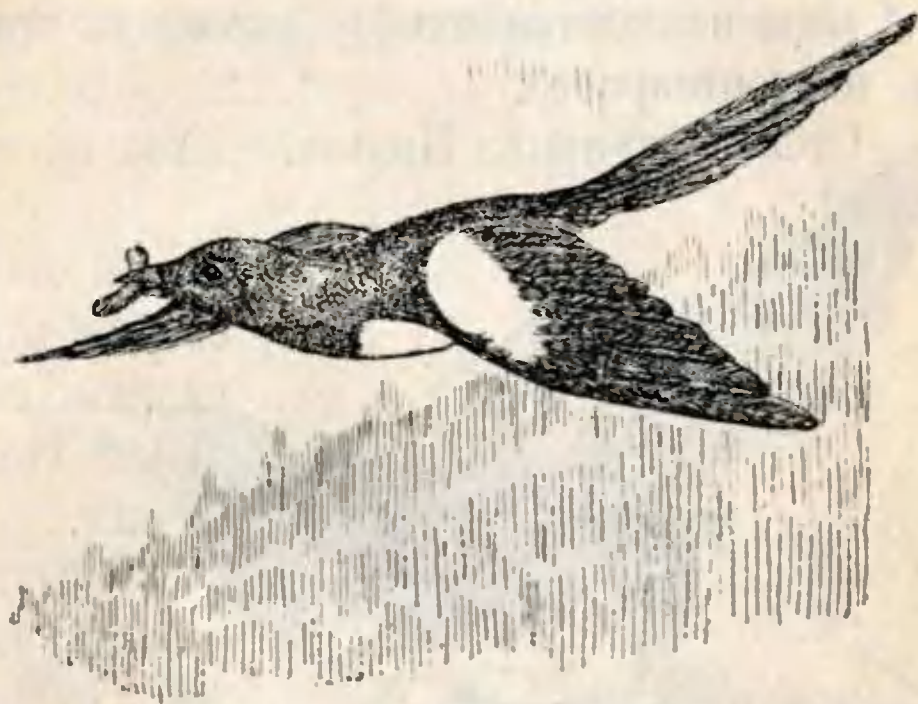
Вторая уселась рядом с ней и обе принялись стрекотать, поглядывая на Пирата.

Он нюхал корку и сердито ворчал в их сторону.

Я взялся за монтекристо.

— Постой, — остановил меня Палька. — Посмотрим, что дальше будет!

Сороки кончили совещание.

Одна села шагах в двух перед Пиратом, другая сзади него. Изловчилась и сильно дернула его клювом за хвост.

С визгом Пират огрызнулся назад.

В один момент первая сорока выхватила корку и взвилась вверх...

С воем подпрыгнул Пират. Щелкнули зубы и длинное перо из хвоста осталось ему в утешение!

Он кинулся с лаем за сороками, а они уселись на дерево и спокойно принялись расклевывать корку.

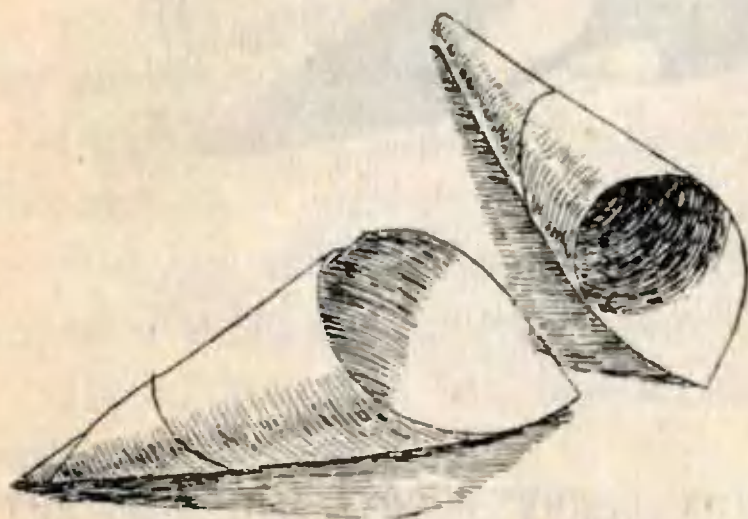
От смеха мы катались с Палькой по земле.

Раздосадованный Цират прибежал к нам с поджатым хвостом, жалобно скулил и поглядывал на дерево с хитрыми птицами.

Мы дали ему хлеба, и он скоро успокоился.

— Надо их подстрелить! — сказал я, прицеливаясь из монтекристо.

— Стой! — крикнул Палька. — Мы их живьем изловим!

Он достал из своей объемистой пазухи сверток синей сахарной бумаги.

Нарезал несколько квадратов и свернул из них фунтики.

Вынул из кармана жестянку с птичьим клеем и склеил бумагу, чтобы фунтики не разворачивались.

Внутри намазал клеем и вложил по кусочку хлеба.

Поперек отверстия натянул нитки.

— Готово! — сказал он.

— Как же ты сорок поймаешь? — спросил я, с любопытством рассматривая странные ловушки.

— Вот увидишь! — ответил он, разбрасывая фунтики по лугу.

При нашем появлении сороки улетели, а мы засели в засаду и стали ждать.

— Не прилетят больше!

— Вернутся, — успокаивал меня Палька. — Хлеб-то им понравился!

Он был прав. Скоро прилетели сороки и уселись на луг.

Пират рванулся из куста, но Палька успел его схватить за ошейник.

Сороки прыгали в траве и подбирали крошки, оставленные собакой.

Одна из них заметила фунтик.

С любопытством подпрыгнула к нему и принялась осматривать со всех сторон невиданную штуку.

Заглянула во внутрь и увидела кусочек хлеба. С радостным стрекотаньем она сунула голову

в фунтик. Он прилип ей к носу, закрыв глаза, а нитка залезла под перья и не давала колпаку свалиться.

С колпаком на голове, сорока вдруг забегала, запрыгала, натыкаясь на пеньки, на что попало.

С громким смехом мы выскочили из куста. Она взлетела и, не видя ничего перед собой, с разлету треснулась в куст, где и застряла. Тут мы ее и схватили.

Сняли колпак и посадили в мешок.

— Поделом тебе! — сказал Палька. — Больше не будешь воровать!

Пират весело вилял хвостом и обнюхивал мешок. Он понимал, что в нем сидит его обидчица.

Мы убрали сеть с точка и, нагруженные добычей, вернулись в дупло старой ивы.

— На чем ты завтра поедешь? — спросил я Пальку, рассматривая птиц в клетке.

— На челноке. Рекой до города версты три только, а по дороге, вокруг болота — все шесть будет.

— А челнок где возьмешь?

— На пасеке у меня есть.

— Знаешь что, — сказал я — в следующий раз мы вместе поедem. Я хочу сам продать моего вальдшнепа. Это очень интересно!

— Ладно! — согласился он, и мы принялись рассаживать птиц по отдельным клеткам. Я со-

считал наш улов: пятьдесят девять мелких, да две крупных птицы!

— Здорово!—засмеялся Палька.—Для первого раза очень хорошо!

Я сложил перед дуплом кучу хвороста. Палька сбегал на ручей за водой. Через полчаса пылал костер и сердито бурлил над ним чайник.

Мы улеглись на траве и вспоминали удачную ловлю. Пили горячий чай и закусывали сухарями.

Пират был тоже доволен. Он растянулся около костра и с урчанием ловил блох.

Часа через два, отдохнув всласть, Палька забрал клетки с птицами и пошел на пасеку, а я отправился на хутор.

БОЕВОЙ ДЕНЬ.

Весь следующий день я с нетерпением ждал возвращения Пальки. Утром осмотрел все снасти на своей тропе. Попалось несколько дроздов, пестрый дятел, два клеста, щеглы и пухляки.

Довольный уловом, я пошел к ручью. Около него на лужайке я увидел сороку с колпачком на голове. Она приплясывала в густой траве, стараясь скинуть странную шапку.

При моем приближении, две другие улетели в лес.

Я без труда изловил сороку и посадил в мешок, а мелких птиц выпустил в клетку.

Раскидал несколько кусочков хлеба для приманки около колпачков и спрятался в кустах.

Скоро вернулись улетевшие сороки.

Сделали несколько кругов над лугом, меня не заметили и сели в траву, с опаской оглядываясь по сторонам.

Наконец расхрабрились и принялись за хлеб. Покончив с ним, — заметили предательские фунтики.

Одна из них сейчас же попалась.

Не заметив несчастья подруги, вторая тоже соблазнилась, клюнула хлеб в фунтике и обе беспомощно запрыгали в траве. Я их живо изловил.

Обрадованный такой удачей, я решил, в ожидании Пальки, половить птиц на точке.

Поставил сеть, протянул шнурок и спрятался в кустах.

Я долго и терпеливо ждал, но птицы пролетали мимо.

Они не садились на точок потому, что не было чижика. Палька унес его вчера домой.

Я собрался уже убрать сеть и идти к старой иве, когда из кустов выпорхнули пухлятки и юркнули на точок.

Они, как серые мыши, шмыгали под сетью и собирали зернышки.

Я ждал, когда наберется их с десяток.

Вдруг что-то большое со свистом прорезало воздух над лугом и бурым камнем ударило в сеть.

Как брызги, пухляки разлетелись в разные стороны.

Я схватил монтекристо и бросился к точку.

Большая черно-бурая птица запуталась когтями в сети и металась во все стороны.

— Коршун! — взвизгнул я от восторга и подскочил к нему, чтобы схватить.

В этот момент сетка лопнула, и он чуть не улетел.

Я едва успел выстрелить.

Легко раненый в крыло, коршун сел на землю.

Я проворно накинул на него сеть.

Он забился, рвал нитки когтями и клювом, но только крепче запутывался.

Я связал ему лапы и крылья. Чтоб не клевался, на голову надел колпачок.

После этого снял с него сеть и привязал за ноги к дереву.

— Теперь не уйдет! — решил я. — Вот Палька обрадуется, когда увидит коршуна!

Вдруг в лесу залаяла собака.

— Помогите! — услышал я отчаянный крик Пальки.

Схватил монтекристо и со всех ног бросился бежать на помощь.

— Ой, ой! — кричал Палька придушенным голосом.

В кустах слышалась возня, треск сучьев, рычание и лай Пирата.

Я выскочил на прогалину и увидел волка со стрелой в боку.

Под ним лежал Палька, зарывшись лицом в листья.

Шерсть на волке стояла дыбом.

Уши были заложены назад, а зубы оскалены.

Он огрызался на Пирата, который с воем кидался на него сзади.

У меня мурашки побежали по спине от ужаса. Руки и ноги дрожали.

Я долго целился волку в ухо и выстрелил.

Он вздрогнул, шагнул в мою сторону, рухнул на бок и судорожно заскреб когтями землю.

С лаем вцепился в него Пират.

Я подбежал к Пальке.

Куртка на нем была вся изодрана.

Он лежал неподвижно, раскинув руки.

Рядом валялся кухонный нож.

Я приподнял ему голову и со страхом взглянул в окровавленное лицо.

— Ты жив? — спросил я с дрожью в голосе.

Он слабо прошептал:

— Где волк? — и приподнялся.

Я мотнул головой в сторону мертвого зверя и побежал к ручью за водой.

Зачерпнул полную шапку и вернулся назад.

— Помойся!

На лбу у него оказалась пустяшная царапина и больше ран не было.

— Счастливо я отделался, — сказал он, рассматривая волка. — Если бы не твое монтекристо, успел бы он меня покусать! Смотри-ка, пуля через ухо прямо в мозг угодила!

Палька мне рассказал, как он шел по тропе с пасеки, куда только-что вернулся с базара. Увидал, что один сторожок разряжен. Пират

с лаем бросился сквозь кусты, а он за ним следом.

Он выскочил на прогалину и увидел в луже крови раненого волка. Волк приподнялся на передних лапах и пополз; его задние лапы волочились по земле. Они были парализованы ударом стрелы по спинному хребту. Палька пырнул зверя ножом, да сгоряча плохо попал.

Волк вцепился зубами в куртку и подмывал его под себя. Палька кричал, пока не потерял сознание.

Если бы не Цират, плохо пришлось бы Пальке.

Тут подоспел я и выстрелил.

— Метко ты стреляешь, — закончил рассказ Палька. — Ты меня от смерти спас.

— Я клялся дулом монтекристо... — напомнил я ему наши клятвы. — Ну, а как твои дела на базаре?

— Вот... — весело сказал он и вытряхнул из кармана пачку денег.

Я сосчитал десять без малого рублей и вернул деньги ему.

— Непременно. По пути может быть утки попадутся....

Солнце уже село за лес, и я быстро зашагал боясь опоздать к ужину.

НА БАЗАРЕ. На следующий день утром, когда я подходил к пасеке, Палька уже ждал меня около челнока, на берегу реки.

Мы принялись грузить клетку и мешки с птицами.

— Ставь в середину, — распоряжался он. — Садись с ружьем на носу, а я с кормы грести буду.

Когда мы разместились, он оттолкнулся багром от берега и ловко заработал двухлопастным веслом то с одного борта, то с другого.

Челнок был долбленный из толстой осины и легкий на ходу.

Под носом журчала вода. Мы быстро скользили по реке против течения, недалеко от берега.

— Как хорошо здесь! — сказал я, вдыхая полной грудью свежий речной воздух и любясь голубым простором.

— Раньше было лучше, — ответил Палька, усердно работая веслом.

— А почему? — удивился я.

Он мотнул головой на реку:

— Рыба была.

„Я ему про одно, а он про другое толкует“, — подумал я и спросил: — А теперь разве нет?

— Есть и теперь, да мало. Мне дед сказывал: город всю реку замутил. Рыба и ушла.

— Куда же?

Он насмешливо взглянул на меня.

— А кто ее знает? Разве увидишь? Сказывают, будто в океан, а что за океан такой — никто не знает.

— В океане вода соленая, — сказал я. — Речная рыба туда не пойдет. Просто люди выловили.

— Может быть и так, — согласился он.

Мы ехали около часа, изредка перебрасываясь словами.

Наконец, за поворотом реки показался город. Мы подчалили к тому месту, где стоял паром. Берег был отлогий, и челнок выскочил с разгону носом на песок.

Я вылез и подтащил его еще немного.

Палька обещал посмотреть за монтекристо, чтоб не украли, и помог мне нацепить на спину клетку.

Я взял мешки и пошел на базар, который был по близости.

Стук колес по мостовой, шум и гам базара меня оглушили после тихой жизни на хуторе и мирного шелеста листьев в лесу.

Ошеломленный, я стоял среди улицы и не знал куда деться.

Вдруг над моим ухом просвистел кнут.

— Проходи, — крикнул кто-то.

Я шарахнулся в сторону.

С грохотом прокатилась мимо телега.

— Чего встал на дороге! — сердито крикнул мне ломовик.

Я пошел по краю базарной площади, выбирая место для остановки.

В тени небольшой досчатой лавочки снял с себя клетку, поставил ее на землю рядом с мешками и оглянулся.

Вокруг меня стояло несколько любопытных.

Среди них были знакомые мальчишки-одношкольники.

Они меня не узнавали, потому что я был черный от загара, как негр.

Обступив плотным кольцом, они засыпали меня вопросами.

— Ты сам наловил? — спрашивал один.

— Чем? — интересовался другой.

— Почем дятел и кулик? — приценивался третий. Я едва успевал отвечать.

— А в мешках что? — приставал четвертый.

Другие шутили между собой и смеялись.

Рассматривали птиц в клетке и меня, как какую-то редкость.

— Он наверное цыган! — крикнул один мальчишка. — Смотрите, какой черный.

Все засмеялись.

— Вовсе не цыган, — обиделся я, — а на солнце загорел.

— Мы тоже на солнце, а не почернели! — закричали они и принялись дразнить.

— Цыган... цыган... цыган...

Это меня рассердило.

— Смотрите! — крикнул я, засучивая рукав выше локтя. — У меня белая кожа. Охочусь целыми днями — вот и почернел.

— Врешь. Какой ты охотник, — кричали мальчишки. — У тебя, поди, и ружья-то нет.

— А это что? — крикнул я, развязывая мешок с коршуном. — Видите, крыло ранено? Это моя работа.

Увидев коршуна, все кругом так и ахнули.

— Какое страшное... — кричал кто-то.

— Орел наверно.

— А когти-то, когти какие большущие! — пищала маленькая девочка, спрятав от страха руки за спину.

Я тем временем решил хвастнуть. Развязал веревку на лапах коршуна. Посадил его на клетку и привязал к ней за ноги.

Развязал крылья и снял с головы колпачок.

— Нос-то какой! — засмеялись мальчишки. —
Что твой крючок.

Ослепленный ярким солнечным светом, хищник
смирно сидел на клетке.

Он моргал белыми веками и дико озирался по
сторонам.

Кругом собралась большая
толпа.

Все с любопытством рассмат-
ривали диковинную птицу.

Вдруг чья-то рука легла мне
на плечо.

— Вы птиц продаете? —
спросил кто-то.

Я оглянулся — сзади меня
стоял человек в синих очках и
в клетчатом пиджаке.

Я сразу узнал его по рас-
сказу Пальки — это был он.

— Да, — ответил я. — Вы вчера заказали сорок
наловить... в этом мешке их три штуки.

— А! — вскрикнул он. — У вас компания тор-
говцев невольниками. Ну, а я — дрессировщик из
цирка... Мне нужны пернатые невольники с длин-
ными хвостами. Я выучу их говорить и смешить
публику.

— Коршуна вам не надо? — спросил я.

— Нет, этого разбойника ничему путному не научишь. Он дикий и злой. Мне бы вот клестов — они ловко тянут билетки с выигрышами.

— Пара есть.

— Вот и отлично, — сказал он, доставая бумажник. За сорок по уговору три рубля, а пара клестов рубль...

Он принялся считать деньги.

— А как вы птиц учите? — поинтересовался я. — Мне очень бы хотелось это знать.

— Очень просто — поморю их голодом, да без воды в темной клетке — живо заговорят. Голод не тетка — послушанию учит.

— Несчастные, — подумал я и ясно представил себе мучения вольных птиц в тесной и грязной клетке дрессировщика, а затем гул толпы в цирке, смех, крики, аплодисменты... когда голодная птица издаст какой-нибудь звук, похожий на человеческое слово.

И в этом буду виноват я... — При этой мысли у меня даже мурашки побежали по спине.

— Получайте! — сказал покупатель, берясь за мешок и протянув мне четыре рубля.

Я оттолкнул его руку.

— Не надо. Не продам.

Толпа одобрительно загудела.

— Молодец! — крикнул кто-то.

Человек весь передернулся от изумления.

Даже приподнял на лоб синие очки.

Из-под них на меня взглянули бесцветные злые глаза.

— Это почему? Цена хорошая.

— Вы их мучить будете...

— Вот оно что... — сказал он и свистнул. — Так-таки и не продадите?

— Нет, не продам.

— А если дам пятнадцать рублей и возьму всех птиц — вы тоже не продадите?

— И коршуна? — недоверчиво спросил я.

— Да, да... вместе с клеткой, — сказал он, криво усмехаясь.

Я задумался.

Палька, конечно, будет доволен. Пятнадцать рублей — деньги неслыханные... Но мучения птиц... Взгляд мой случайно остановился на клетке... из нее смотрели на меня влажные, бархатные глаза вальдшнепа.

— Нет, не согласен, — заявил я решительно.

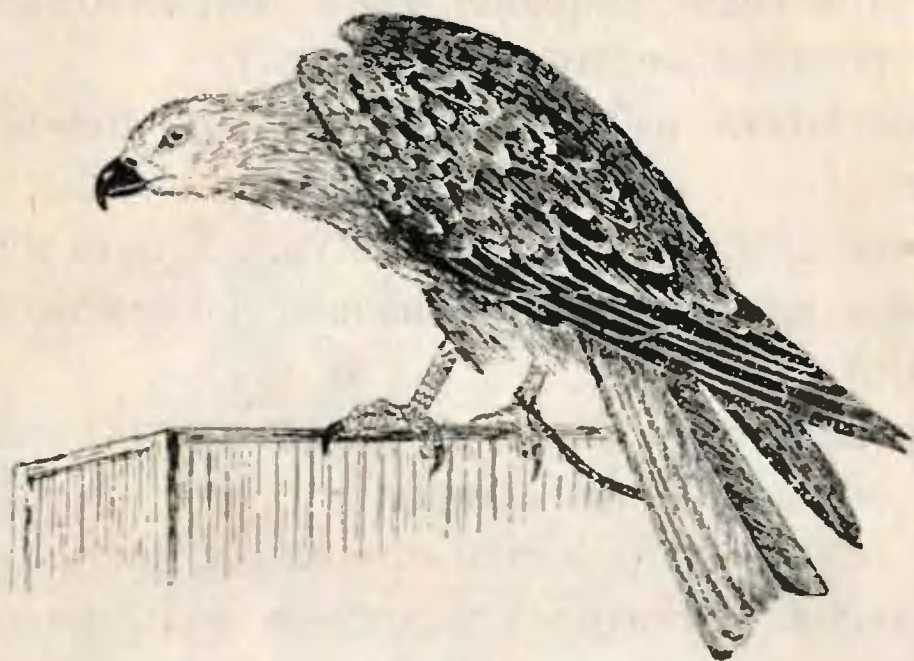
Дрессировщик сердито посмотрел по сторонам, что-то обдумывая.

— Послушайте, — сказал он мягко. — Я вам обещаю не мучить птиц... Вот вам пятнадцать рублей...

И сунул их мне в руку.

— Он врет, — закричал кто-то из толпы, но было поздно.

Деньги уже лежали у меня в кармане, а человек в синих очках вскинул на спину клетку с коршуном, забрал мешок и торопливо пошел в сторону.

Толпа загудела и стала расходиться.

Вдруг коршун клюнул дрессировщика в затылок.

С испугу человек выронил клетку с мешком.

Мешок развязался, и три сороки, как ракеты, вылетели в разные стороны.

Коршун рванулся и взлетел над базаром вместе с клеткой.

Размахивая руками, человек бросился в догонку.

Толпа хохотала. Мальчишки свистали и улюлюкали.

Вдруг он повернул назад и увидел меня.

— Деньги! — закричал он. — Деньги отдай!

Я бросился бежать через улицу.

Перескочил забор и очутился в каком-то переулке.

Из-за крыши вылетел коршун. У него на ноге болталась клетка и раскачивалась во все стороны, как маятник.

Веревка оборвалась, и клетка с треском вышибла окно во втором этаже.

Со звоном посыпались стекла на мостовую.

Мельком я увидел улетавшего вальдшнепа.

Из ворот выскочил дворник с собакой.

— Стой! — закричал он и кинулся за мной в догонку, громяхая сапогами.

Я мчался, как ветер.

Завернул за угол и шмыгнул под ворота в чей-то двор.

Дворник гнался за мной по пятам.

Собака с лаем кинулась на меня.

Я едва увернулся, перебежал двор и снова махнул через забор.

За ним был пустырь.

Дальше виднелась река.

Я поддал ходу по направлению к парому.

Далеко позади меня бежал дворник с собакой.

Но я устал и они быстро меня нагоняли. Собрав последние силы, задыхаясь, я прибавил ходу.

Вот показался паром, а рядом челнок с Палькой.

Человек в синих очках стоял на берегу и разговаривал с ним.

Я остановился и не знал, что делать.

Сзади гнался дворник с собакой, а впереди был рассерженный покупатель.

В этот момент Палька заметил меня и сразу все понял.

Он незаметно подал мне рукой сигнал; не спеша, насвистывая веселую песенку, сдвинул челнок на воду и взял монтекристо.

Как пуля, я проскочил мимо человека в синих очках.

С разбегу прыгнул в челнок и оттолкнулся от берега.

Щелкнул выстрел из монтекристо.

Сзади завизжала собака и посыпались ругательства дворника, а человек в синих очках заорал диким голосом:

— Отдай деньги!

.

Челнок подхватило течение и быстро вынесло на середину реки.

Город скрылся за зеленым мысом, а вместе с ним и все опасности...

— Здорово бьет! — сказал Палька и бережно положил монтекристо на дно лодки. Мы оба расхохотались.

Я принялся было рассказывать, как все случилось...

— Знаю! — засмеялся он. — Человек в синих очках тебя разыскивал и рассказал мне все. Только я прикинулся, что с тобой не знаком, а он меня не узнал!

— Зачем в собаку-то пальнул? Теперь и в город показаться нельзя будет! — сказал я.

— Куснула бы тебя, если-б не пальнул! А насчет города не бойся — педельки через две все забудется!

Между тем челнок быстро несло вниз по течению. Мы улеглись на дно и отдыхали.

Неожиданно Палька приподнялся и крикнул:

— Смотри, орел вьется!

— Орлы здесь не водятся, — сказал я. — Наверное ястреб.

Большая, черная птица, распластав крылья, низко парила над рекой саженьх в сорока от нас, что-то высматривая.

— Скопа! — крикнул я, хватаясь за монтекристо.

— Не зевай! — прошептал Палька, пригнувшись на дно челнока. — Она еще нас не заметила.

Я взвел курок и, затаив дыхание, ждал когда челнок подплывет на выстрел.

Вдруг скопа с шумом ринулась в реку.

Взметнулись брызги и вспенилась вода.

В когтях птицы блеснула большая рыба.

Скопа била крыльями по воде, но не могла поднять добычу, а рыбе не хватало сил уйти на дно.

Нас несло прямо на них.

В десяти шагах я выстрелил.

— Попал! — вскрикнул Палька, хватаясь за весло

Крылья речного хищника дрогнули и сложились.

На мгновение скопа исчезла под водой.

Мы подоспели, когда она выплыла уже мертвая.

— Рыбу бей! — крикнул я. — А то на дно утянет!

Палька с силой ткнул багром под птицу.

Столб брызг ударил мне в лицо.

Челнок рвануло так, что мы черпнули воды и чуть не вылетели за борт.

Схватив весло, я изо всех сил загреб к берегу.
— Скорей! — кричал Палька, едва удерживая багор с бьющейся рыбой.

Распушенные крылья скопы задерживали ход челнока и мы медленно подчалили к отлогому берегу.

Палька выскочил за борт и выволок рыбу на песчаную отмель.

Зашлепал хвост по мокрому песку, и длинная зубастая пасть вцепилась в подвернувшийся куст травы.

Это была большая щука.

Я прикончил ее выстрелом из монтекристо.

Когти скопы крепко впились в спину щуки.

Палька вырвал их с большим трудом.

— Здорово вцепилась! — сказал он, укладывая на дно челнока добычу. — Даже мертвая держится!

.....

Минут через пять мы опять плыли вдоль берега. Вскоре показался дядин хутор.

— Бери себе обоих, — предложил мне Палька, когда челнок поравнялся с хутором. — Я помогу тебе дотащить их до дома.

Мы приткнулись к берегу, напротив дома.

Палька взвалил на спину щуку, а я скопу и мы торжественно вошли на двор хутора.

Домашние высыпали к нам на встречу, обступили кругом и расспрашивали.

Наперебой с Палькой я рассказал всю историю со скопой.

Мы умолчали только, что были в городе.

Тетка разрубила щуку пополам и половину отдала Пальке.

Я тем временем отрезал у скопы крылья, расправил их и повесил сушиться вместе с ногами на солнце.

— А ножки зачем? — спросил Палька, подмигивая. — Опять к лесничему пойдем.

Мы весело рассмеялись.

Тут я вспомнил про деньги и передал ему.

— Я думал, что ты потерял! Теперь есть на что обзавестись хорошими снастями! — сказал он и добавил, подумав: — а, может быть, ружьем.

Тут к нам подошел дядя.

— Завтра едем на охоту с ночевкой! — сказал он мне. — Приготовься.

Я запрыгал от радости. Наконец-то побываю на настоящей охоте!

Палька молча стоял в стороне.

— Ты тоже с нами? — спросил его дядя.

— Нет, — ответил он печально. — У меня пока монтекристо нет, а без него скучно!

— Да, без ружья плохо, согласился дядя. — Не унывай, впрочем. Я помогу тебе обзавестись ружьем.

.....
Палька пожелал мне „ни пера, ни пуху“, и пошел домой.

А я взялся помогать дяде заряжать патроны для его ружья.

ЧАСТЬ IV

Н А О Х О Т Е

В ДОРОГЕ. Скрипя и подпрыгивая, телега катилась по пыльной дороге.

Дядя сидел на передке, свесив ноги, помахивая кнутом, чмокал и правил лошадью.

Васька трусил ровной рысцей.

В такт его бега сбруя звякала медными кольцами и пряжками.

А я сладко дремал, зарывшись с головой в пушистое сено.

Рядом лежали два ружья: мое маленькое монте-кристо и тяжелая дядина двухстволка.

Под ними виднелись мешок с хлебом, котелок и чайник.

Большой брезент для палатки был туго прикручен сзади телеги.

Между досками был засунут тонор.

Все это дядя сдал на мое попечение.

Поэтому я только дремал, а заснуть боялся, постоянно проверяя, — не упало ли что с телеги?

— С версту осталось! — сказал дядя, натягивая левую вожжу.

Мы круто свернули в лес.

Повеяло прохладой и сыростью.

Телега мягко покатилась по влажной лесной дороге, изредка подпрыгивая на корнях и пеньках.

Чем дальше мы ехали, тем хуже становилась дорога.

Вскоре дядя свернул куда-то прямо в лес.

Мы поехали шагом, выбирая прогалины между кустами и деревьями.

Стреском вырвался из-под самой лошади глухарь... Дядя выхватил ружье...

Грохнул выстрел...

Гулко стукнулся глухарь о землю и забил крыльями в траве...

Лошадь шарахнулась в сторону, чуть не перевернув телегу.

Синей пеленой потянуло дым между деревьями... Пахло порохом.

Разгоряченный и радостный, я тащил глухаря к телеге.

— Удача! — весело сказал дядя, принимая от меня грузную птицу. — Ишь красавец какой! Сегодня день счастливый...

Мы шагом поехали дальше.

Я рассматривал глухаря. Приглаживал на нем черные с синим отливом перья. Любовался красными бровями и белым клювом.

ОЗЕРО. Лес впереди поредел.
Между деревьями блеснула
узенькая, светлая полоска.

Она искрилась и переливалась, как расплавленное серебро.

— Что это? — вскрикнул я с изумлением.

— Озеро! — коротко ответил дядя, соскакивая с телеги. — Слезай! Палатку ставить будем.

Он выбрал сухую поляну между соснами.

Зазвенел топор и три тонких елки упали на землю. Дядя очистил их от сучьев.

Две забил в землю, а третью положил на них в виде перекладины.

Развязал брезент. Перекинул его через пере-
кладину, а концы оттянул в стороны и привязал
к маленьким колышкам.

Получилась просторная палатка со сквозным
проходом.

Я натаскал в нее еловые сучья и устлал ими
пол. Сверху наложил сено с телеги. Вышла
мягкая и сухая постель.

Дядя распряг лошадь и стреножил ее, чтоб она
не могла уйти далеко.

— Теперь идем на озеро! — сказал он, закинув
ружье за спину.

Я взял монтекристо и весело зашагал рядом
с ним.

Скоро мы вышли на опушку леса.

Дальше было некуда идти.

Кругом, куда только взор хватал, раскинулось
море желтых камышей.

Среди них узкой полоской блестело озеро.

— Тут где-то лодка есть... — сказал дядя, огля-
дываясь. — Это не она ли? Вон там виднеется?

Я побежал вперед и разыскал лодку.

— Вот она! — крикнул я дяде, перелезая через
борт — и не течет!

— Отлично! — обрадовался он. — Я боялся, как
бы не рассохлась.

Лодка была досчатая с деревянными уключи-
нами. На дне лежали пара весел и длинный шест.

Я сел на нос, а дядя взял шест и начал им отталкиваться.

Затрещали камыши, лодка сдвинулась с места и легко пошла вперед. Становилось все глубже.

Скоро камыши поредели, и мы выплыли на открытое место.

Дядя взялся за весла и лодка быстро пошла на середину озера.

Мы пересекли большое водное пространство и с разгону вломились в камыши.

Впереди что-то захлопало по воде.

— Утки! — закричал я не своим голосом, увидев взлетевших птиц с длинными шеями.

Они быстро скрылись за камышами.

— Подожди, Дима, — засмеялся дядя — еще насмотришься на уток!

Впереди показались верхушки деревьев. Лодка выскользнула из камышей и ткнулась носом в берег.

— Вот и остров! — сказал дядя, вылезая за борт. — Ты оставайся около лодки, а я пойду на другой конец острова. Устрой себе около воды шалаши из камыша. Спрячься в него и жди. К вечеру утки начнут летать и садиться около тебя на воду.

Дядя взял ружье и пошел вглубь острова.

Треск сучьев под его ногами постепенно замер в отдалении, и я остался один с моим монтекристо.

Лодка стояла на краю мелкой заводи.

Из воды кое-где торчали кочки.
Вокруг стоял желтой стеной камыш.

Мне в голову
пришла хорошая
мысль.

Я затолкнул
лодку в густые
камыши. При-
гнул их верхуш-
ки над ней и
связал веревочкой.

Получился хороший шалан, со стороны совсем незаметный.

Сидеть в нем было удобно и сухо.

Я примостился на дне лодки и стал ждать.

СИЛУЭТЫ. Гулко бухнул выстрел с дяди-
ной стороны.

Он прокатился над озером, отдался эхом в лесу
и рассыпался.

Крепко сжимая в руках монтекристо, с бью-
щимся сердцем, я стал прислушиваться.

Какой-то неясный гул, как от водопада, стоял
над озером.

Ветра не было, но из-за острова быстро подни-
малась черная туча...

Она меняла форму и растягивалась...

Оторвались несколько мелких клочков и быстро понеслись в разные стороны...

...фыю... фыю... фыю... фыю...

Свистели повсюду крылья.

— Живая туча! — думал я, пораженный несметным количеством уток.

.

Со свистом рассекая воздух, пронеслась над шалашом стая уток...

Сделала круг над камышами и шумно опустилась на воду, против меня.

Я не мог ее рассмотреть, как следует.

Косые лучи заходящего солнца били мне прямо в глаза.

Я видел на красном фоне воды одни только черные силуэты уток с острыми как шило хвостами и тонкими шеями.

— Шилохвосты! — Сразу узнал я их, так как часто рассматривал на картинках.

Осторожно просунул монтекристо сквозь камыши.

— Разом штук пять уложу! — подумал я и выстрелил в кучку силывшихся вместе птиц.

Громко щелкнул выстрел в вечернем воздухе.
Утки взмыли вверх и улетели.

На воде не осталось ни
одной штуки.

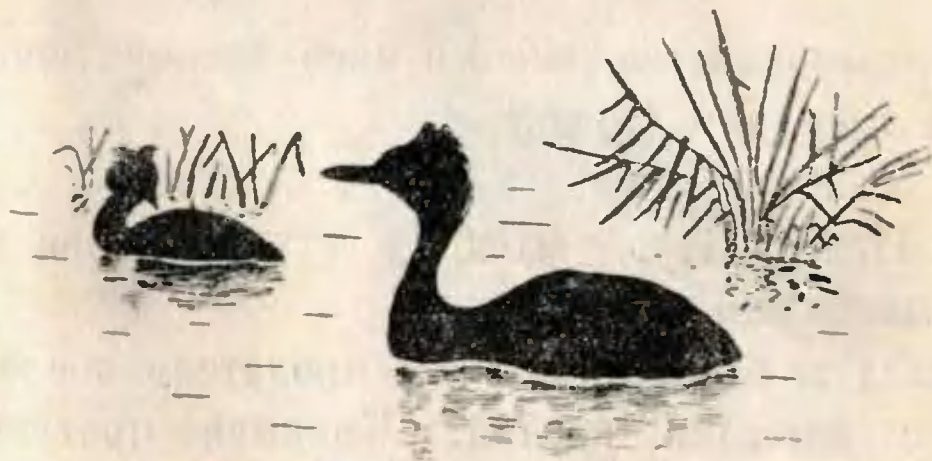
Раздосадованный неудачей, я зарядил ружье и стал ждать — не подсядет ли еще стайка уток.

Напротив меня зашуршали камыши и в заводь
выплыли гуськом несколько черных теней уток.

Я остолбенел от удивления.

На головах у них торчали рога!

Они беззвучно скользили по воде, временами
останавливались и ныряли.

Я растерянно смотрел на рогатые силуэты,
вдруг спохватился и выстрелил.

Пулька буйкнула в воду, а утки нырнули и
скрылись в камышах.

Сердясь на самого себя, что поторопился и упустил таких редких птиц, я снова зарядил ружье.

Впоследствии я узнал, что это были вовсе не утки, а птицы из породы гагар.

Клюв их похож на вороний, а на голове торчат перья, которые я принял за рога.

Птицы питаются рыбой и мясо их невкусное. За это их прозвали Поганками.

... Бух... Бух... Подряд стукнули два дядиных выстрела.

Вслед за ними мимо меня пролетело несколько птиц с кривыми носами. Крикнув протяжно и звонко: ку... ли... ку... ли... ку... ли!...—они круто повернули к заводу, вытянули вниз длинные ноги и расселись на кочках, торчавших из воды.

Их поджарые черные силуэты резко выступали на фоне красной зори.

С минуту они прислушивались. Стояли неподвижно, как статуэтки.

Затем сошли в воду и принялись в ней бродить по колено, вылавливая что-то со дна длинными носами.

Я сразу узнал крошечных. Это самые крупные и осторожные кулики.

Затаив дыхание, я прицелился в ближайшего из них, но красные лучи заходящего солнца резали мне глаза...

Ствол ружья блестел и не видно было мушки...

... Бух... бух... — опять прокатились два выстрела за островом.

Я выстрелил, но было поздно.

Пуля шлепнула в пустую кочку — испуганные кроншнепы успели взлететь раньше моего выстрела.

Я чуть не заплакал, и с сердцем швырнул монтекристо на дно челнока.

В этот момент над головой у меня пронумело что-то, как ветер.

Я так и присел от страха.

Четыре силуэта огромных птиц медленно проплыли над шалашом.

Сели на кочки и, вытянув длинные шеи, прислушивались.

Я сидел неподвижно, затаив дыхание.

Успокоенные тишиной, птицы зашагали длинными ногами по кочкам, как на ходулях.

Я беззвучно вложил боевой патрон в монтекристо и взвел курок.

Осторожно положил ружье на край лодки и прицелился в середину ближайшей птицы.

Она стояла неподвижно — только головой вертела, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Увидала! — подумал я и выстрелил.

Птица рванулась вперед и упала с кочки, ударив крыльями по воде.

Другие три с разбега подвинулись и полетели.

— Ранева!

Я выпрыгнул за борт и по колено в воде бросился ее доставать.

При моем приближении, она опрокинулась на спину и замерла.

Я потянулся взять ее.

В тот же миг сильный удар сшиб меня с ног.

Я бультыхнулся в холодную воду.

Высочил из нее, как ошпаренный.

— погоди-же! — заорал я и бросился на птицу.

Получил еще два сильных удара птичьих ног но зато успел их схватить в руки.

Завязалась борьба.

Я волок ее к лодке, а она била крыльями по воде и больно клевала мне ноги сквозь чулки.

Я воил и с ожесточением отбрыкивался.

Шум стоял невообразимый, и брызги летели во все стороны.

— Что за драка! — услышал я испуганный голос дяди. Он бежал ко мне, спотыкаясь о кочки.

— Журавля застрелил! — кричал я. — А он лягается, как лошадь.

Дядя подбежал.

— Журавль уж мертвый! — сказал он.

— Но он только-что лягался... — удивился я и выпустил ноги птицы.

Они безжизненно унали в воду...

Дядя взял журавля в лодку и взялся за весла.

— Ты дрожишь, — сказал он. — Надо скорее к палатке ехать!

С шорохом двинулась лодка сквозь сумрачные камыши.

Над озером клубился туман.

Было сыро и холодно.

Когда мы подходили к палатке — в лесу уже было темно.

У меня зубы стучали от холода.

Дядя быстро развел костер.

Велел мне раздеться и выпить полстакана вина из его фляжки.

Я развесил платье сушиться над огнем, а сам закутался в одеяло и сел у костра.

Сразу стало тепло.

Скоро вскипел чайник, и мы принялись закусывать пирогами, которыми снабдила нас тетка.

После ужина дядя потрошил дичь, а я рассматривал убитых им шилохвостей, крякв и рассказывал мои неудачи.

— Ничего, — сказал он. — Неудачи всегда бывают, а вот журавля добыть не всякому удастся. Ты теперь настоящий охотник.

От выпитого вина и усталости меня начало клонить ко сну.

Я забрался в палатку и заснул под треск костра так крепко, как никогда не спал.

ПИСЬМО ИЗ ГОРОДА.

Проснулся утром от шума-проливного дождя.

Вода барабанила по брезенту и целыми потоками хлестала у входа в палатку.

— Домой надо ехать, — говорил дядя, озабоченно поглядывая на серое небо. — Кругом тучи. Просвета нет. На неделю дождь зарядил. Настоящая осень!

Когда ливень немного стих — дядя запряг лошадь.

Мы уселись на телегу и покрылись брезентом.

Всю дорогу до хутора шел дождь и мы порядком намокли.

Я с наслаждением переоделся дома во все сухое и пошел в столовую обедать.

Там все уже были в сборе.

Дядя сидел за столом и читал письмо из города.

— Так, — сказал он, откладывая его в сторону и обращаясь ко мне и девочкам: — в школе занятия начались. Пора вам в город!

.

На следующий день мы простились с хутором.

Нас провожал Палька.

Он подарил мне на память волчью шкуру, сестре полпуда меда, а ее подруге клетку со скворцами.

.

Когда мы разместились в телеге, дядя взмахнул кнутом и дернул возжи: — Но, Васька! — крикнул он.

Зачвякали копыта по грязи, и телега со скрипом выкатилась со двора.

Моросил косой дождик.

Желтые листья сыпались с берез.

Я оглянулся в последний раз на хутор.

Тетка махала платком из окна, а на мокром крыльце стоял Палька и кричал нам вслед:

— Счастливого пути!

— Прощайте, дорогие места и вольная лесная жизнь! — шептал я, крепко сжимая в руках монте-кристо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
ЧАСТЬ I. Монтекристо и ружье.	
Утки	5
Монтекристо	8
Воры	16
Именины	33
Последний вор	37
ЧАСТЬ II. Тетеревятник.	
Нападение	43
Неудачи	50
В поход	53
Друзья	69
ЧАСТЬ III. Торговцы невольниками.	
У лесничего	79
Сторожок	93
Клятвы и тайник	101
На троне	119
Боевой день	138
На базаре	146
ЧАСТЬ IV. На охоте.	
В дороге	167
Озеро	170
Силуэты	173
Письмо из города	182

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Я. И. Перельман

ЧИСЛА-ВЕЛИКАНЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

Выгодная сделка. — Городские слухи. —
Награда. — Легенда о шахматной
доске. — Быстрое размножение. —
Бесплатный обед

Рисунки В. Твардовского

Цена **60** коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА“

Москва, Петровка 20. тел. 4-90-76.

Ленинград, Стремянная 14. тел. 1-68-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Николай Чуковский

ТАНТАЛЭНА

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

Мои мечты. — Письмо. — Таинственный посетитель. — Оппаппие. — Крысиный палач. — Узники. — У меня есть союзница. — Бунт. — Допрос на палубе. — Я болен. — Шквал. — Неведомая земля. — Китайская паверна. — Погоня. — Верховный Совет. — Заговор. — Выборы ашамана. — В опере. — Автомобильная гонка. — От океана к океану. — Воды! Воды! — Эпилог

Страниц 176. Книга иллюстрирована многочисленными рисунками художника Юрия Черкесова

Цена 1 р. 40 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА“

Москва, Петровка 20. тел. 4-90-76.

Ленинград, Стремянная 14, тел. 1-68-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Б. Житков

ПАРОВОЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть 1. Тележка Кюньо.— На угольных
копях.— Кочегар.— Сын.— Лампа.— Ричард
Треветик.— Тележка Мердока.— Рельсы —
Новый паровоз.— Джордж Стефенсон.—
Упорство.— Рокет. Часть 2. Две породы.—
В больнице.— Горный паровоз.— Туннель.—
Сухопутный пароход.— Казенная дорога.—
Секунды.— Часть 3. Сквозь огонь.— Ста-
руха. — Встреча. — Остановил. — Будка. —
В бою

Страниц 152. Многочисленные чертежи и ри-
сунки художника В. В. Владимирова

Цена 1 р. 35 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА“

Москва, Петровка, 20. тел. 4-90-76.

Ленинград, Стремянная 14, тел. 1-68-32.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Виталий Бианки

МУРЗУК

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

На просеке.—Мурзук получает имя и поименование.—Детство и воспитание.— Незванный гость.— М-р Джекобс выигрывает пари.—В тюрьме.—Ночью.—Бунт.—Свидание.—М-р Джекобс тренируется.—Страх.—На реке.—Компас и телеграф.—Страшный всадник.—Оборотень.—Травля.—Друг.—Заключение

Страниц 128. Многочисленные иллюстрации художника В. Тиморева

Цена 1 р. 15 коп.

1925 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАДУГА“

Москва, Петровка, 20. Тел. 4-90-76.

Ленинград, Стремянная, 14, тел. 1-68-32.